

Один. Последний.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

П. Лаптев
Один. Последний

https://litres.ru/74927339
SelfPub; 2026

Аннотация

«При жизни ты хотя бы даешь согласие. После смерти тебя не спрашивают».

Виктор Мелник согласился на участие в эксперименте. Ради денег. Ради шанса выбраться из беспросветной нищеты. Подпись под контрактом должна была сулить ему светлое будущее, но вместо этого, у него отняли и тело, и душу. Теперь он гибридное оружие. Винсент — не машина, но и не человек. Нечто иное, застрявшее где-то между жизнью и смертью, забытым прошлым и новой личностью. Его воля — под надзирательством искусственного интеллекта «Цербер». Его судьба — в руках курирующей проект амбициозной ученой.

Все шло по выверенному плану корпорации, пока в один день, Саманта, бывшая возлюбленная Виктора, не узнает его в новеньком андроиде. Движимая виной за прошлое, она не сможет закрыть глаза на то, во что превращают людей в стенах «Ортэкс». Но она даже не подозревает, к чему приведет ее собственное расследование.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1. Очередь на лифт амбиций.	5
Глава 2. Давление внутри стеклянной клетки.	32
Интерлюдия: Отчет.	61
Глава 3. Наказание за истощение плоти.	64
Глава 4. Пробуждение в белой пустоте.	75
Глава 5. Призрак из плоти. Призрак из прошлого.	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

П. Лаптев
Один. Последний

Пролог.

Однообразный гул лабораторной аппаратуры давил со всех сторон. Саманта стояла, прижавшись к двери. Она закрыла рот рукой, сдерживая рвоту. Посреди комнаты, над телом ее бывшей наставницы, стоял он. Саманта слышала, как гудели его сервоприводы. Слышала, как на полной мощности, свистя, втягивала воздух фильтрационная мембрана. Кровь растекалась по полу, по щелям между плиткой, капала с его рук. Женщина лежала, словно изодранная тряпичная кукла.

Его взгляд был пустым, устремленным куда-то мимо нее. Девушка не знала, что ей делать. Бежать? Ключ-пропуск был на теле, где-то среди разорванной шеи, торчащих костей и окровавленного подола белого медицинского халата. Остаться? А не сделает ли он с ней то же самое?

Раньше она могла позволить себе жить надеждами. Сейчас она осознала. Она увидела, во что его превратили. Во что превратили человека, которого она любила.

Глава 1. Очередь на лифт амбиций.

Луны не видно — закрыта облаками пара с электростанции. Даже в предрассветной тьме большие цеха не замолкают — жужжат. Они возвышаются над группой типовых домов Буферной зоны как Олимп над Грецией, их фонари никогда не гаснут. Лучи пробиваются в окна, сквозь неплотную синтетическую ткань штор.

Чайный пакетик утоп в кипятке. Невысокая женщина протерла капли цветастой тряпкой, вырезанной из старой футболки.

— Покрепче сделаю, не могу проснуться.

Она поставила пожелтевшую керамическую кружку на небольшой столик. За ним два стула — и те едва вмещаются.

— Ты бы шел, отдохнул чуток. У тебя еще пара часов есть. Все равно ни пить, ни есть.

— Не могу, — напротив нее, за столом, сидел высокий, в меру физически развитый парень, — все думаю о сегодняшнем дне.

— Волнуешься?

Исколотой рукой она почесала коротко подстриженный висок. Фиолетово-бурые взбухшие вены пестро торчали под грубой кожей.

— Ну да, вдруг не возьмут? — парень сложил руки на груди.

— Не переживай, подойдешь — возьмут, не подойдешь — не возьмут. От того что ты сейчас,

— Я знаю Анн. Я знаю, — перебил ее он, — я просто…

Рот его открылся шире и в глазах янтарного цвета проблеснуло раздражение. Звук застрял где-то в глотке, и он сглотнул его, выдавив:

— Ну, не возьмут. Что тогда я буду делать? Ты ведь знаешь как мне нужна эта работа.

— На электростанции, если что, всегда нехватка кадров. — Анна по-доброму подмигнула ему бурым глазом. Слеповатым, затянутым легкой беловатой дымкой.

— Вряд ли меня примут обратно. После того что случилось.

— Ты, конечно, серьезно оплошал в тот раз. Сам, наверное, помнишь, как инспектор орал.

— Такое не забудешь.

— Я в свое время тоже глупостей наделала, когда только стажировалась. Не один ты такой особенный. Думаю, если я поговорю с начальством, они смогут сделать для тебя исключение.

— Спасибо, конечно. Но я буду надеяться, что меня возьмут в клинику. Ты же знаешь, там хорошо платят. Намного лучше, чем в этом ржавом ангаре. — Уголки его рта на секунду слегка приподнялись. — Хочу помочь тебе контракт закрыть. Чтоб выходной был, хотя бы раз через неделю.

— Вик, — она вдохнула пыльный воздух, прикрывая мор-

щинистые веки, — я же говорила тебе, ты не обязан.

— Обязан!

Кулак глухо вдарил по столу. Перебив Анну, Виктор замолк, виновато отведя глаза и прижав напряженную кисть к себе. Взгляд его вдруг зацепился за воспаленные следы инъекций на ее руке.

— Так неаккуратно ставят. — Проворчал он.

— Ты, конечно, прав. — Анна размяла кулак, а затем нежно провела пальцем по выпуклым бугоркам. — Но лучше с ними, чем без них. Все же, без допинга, я бы рук не чувствовала. После всей этой возни с турбинами.

— Они давно могли бы подарить тебе новые. Надежные. Такие, с которыми бы ты, как минимум, не выла по ночам. Сколько ты уже мучаешься? Года два точно. А может даже больше.

Обветренные щеки Анны напряглись вслед за поджатыми губами. Почти незаметные глазу, изменения в выражении ее лица выдали именно то, что не могло быть сказано вслух.

— Ты знаешь мое отношение к таким вещам, — сказала она сухо.

— Знаю. Но не понимаю.

— Нечего здесь понимать. Ты знаешь, на работе тоже знают. Зачем им предлагать, если я все равно откажусь?

— Даже если так, — отмахнулся он, — обеспечить этот вариант их прямая обязанность. Может, дай они тебе квоту, ты заговорила бы иначе. Почему ты терпишь их скотское от-

ношение к себе? Почему хотя бы не попробовала отстоять то, что тебе положено? Ты готова перед начальством на коленях ползать чтоб меня на эту батрачку взяли, а ради реально полезной вещи прикрываешься принципами. Даже если тебе самой протезы не нужны, мне бы они как минимум пригодились.

Воздух на кухне стал гуще. Тишина окутала их обоих. Только телевизор где-то за тонкой стеной, в соседней квартире, неразборчиво бормотал. Виктор поднял глаза к лицу Анны. В ее слегка приподнятых бровях и выступивших морщинах, которые стали еще глубже, он нашел ответ на свой вопрос.

— Только не говори, что, — произнес он тихо, будто самому себе.

Острый взгляд его глаз, в которых отражался свет уличных фонарей, пронзил Анну насквозь.

— Ты, ты отказалась?

— Да, я отказалась. — Мозолистые пальцы женщины впились в остывшую керамику.

— Что именно они тебе предлагали?

— Какая сейчас разница?

— Скажи.

— Они предлагали мне получить модель. «ЖК», вроде-бы. Я отказалась от квоты, отдала ее коллеге.

— Тебе предложили «Железный Кулак», а ты ничего мне не сказала? — привстав на стуле, сказал он.

— Знала, что ты отреагируешь именно так, как сейчас.

— Понятное дело! Ты хоть представляешь, от чего ты отказалась?

— Прекрасно представляю. Прошу тебя, Виктор, сядь.

— Ладно ты со своими идиотскими взглядами отказываешься от такого шанса, почему ты мне не дала им воспользоваться? Какого черта, почему ты просто не передала квоту мне?

— Есть вещи страшнее боли в руках. Я не пожелаю такого ни себе, ни тебе. Это не шанс, Вик, это медвежья услуга. Ты даже не пытаешься понять, что я имею ввиду.

— Тогда давай, объясни. — Он резко взмахнул рукой. — Я правда хочу понять, как так выходит: колоть в руку коктейль из препаратов каждый день для тебя приемлемо, а поставить модификацию тела вдруг нет! Объясни, давай! Да у тебя кожа на руках уже хуже, чем у мамы, чем это может быть лучше?

Сердце его замерло. Он тут же почувствовал, что перешел грань, которую обещал никогда не переходить. Ярость, которой он уже захлебывался, застилала его взгляд. Когда накал остыл, он увидел лицо Анны. Ему хотелось бы забрать все свои слова назад. Отмотать их беседу к началу. Начать заново. Он тяжело дышал, опираясь на стол, возвышаясь над женщиной, которая была ему роднее матери. Той, которой он неоднократно причинял боль. Прямо как сейчас. Он сел.

— Анн, я… — голос его дрогнул.

— Просто замолчи. — Закрыв глаза и нахмурившись, сказала она.

Некоторое время они сидели молча. Анна потирала лоб, склонившись над чашкой. Виктор держался отстраненно, проклиная собственный язык.

— Солдаты прошлого тоже верили, что металл лучше родных суставов. Прям как ты. — Вдруг начала она, не поднимая глаз. — Знаешь, что с ними стало? Сдохли, как псы, в луже из грязи и собственной мочи. Я думала, о таком все еще рассказывают в школах. Но, видимо, нет. Я хочу спокойно жить и знать, что моя рука — моя и ничья больше. Если какой-то безумный арт-интеллект захочет меня задушить во сне моей же рукой, он не сможет. Ты понимаешь?

— Ты про Пастыря?

— Ну а про что еще? Раз вспомнил про мать свою, почему не вспомнишь ту разруху в трущобах, где она все еще живет?

— Но Пастыря не существует уже десятки лет. — Почувствовав, как ярость вновь закипает где-то в глотке, Виктор прикусил язык.

— Если не он, то какой-то другой. Вик, я не хочу больше говорить об этом. Ты вправе решать за себя сам, но меня в это не смей вплетать.

В ее вздохе он услышал разочарование. Гораздо более глубокое, чем в какой-либо из их прошлых ссор.

— Насчет каких-то якобы отобранных у тебя шансов: неужели я сделала так мало для тебя? Я дала тебе многое,

Вик, больше, чем можно представить для мальчика из трущоб. Ты мне как родной сын. А ты так меня расстраиваешь. Что с университетом, что с тем конфликтом на электростанции, что сейчас. Я понимаю, что тебе нелегко, что ты стараешься. И я не прошу у тебя ничего взамен. Но не смей больше разговаривать со мной в таком тоне.

Виктор сильнее сжал челюсти. Еще не до конца заживший язык вновь покрылся кровью, смешиваясь со слюной. Он опустил голову еще ниже. Русые растрепанные волосы спадали на лицо и были намного длиннее, чем у родной тети.

— Честно сказать, я надеялась, что с тех пор, как вы с Самантой разошлись, ты станешь мудрее. Но, кажется, я ошиблась.

— Зря надеялась, получается. — тихо сказал он. — И Сэм приплетать было совсем не обязательно.

Анна устало встала из-за стола. Она встала рядом с ним и, замешкавшись, добавила:

— Удачи тебе сегодня. Вечером увидимся.

Бросив на него последний взгляд, женщина ушла в прихожую. Виктор только кивнул, не поднимая на нее глаз. Смена на Пятой городской электростанции компании «Ортэкс» начиналась через двадцать минут. Дверь хлопнула, а парень продолжил сидеть в той же позе. Он размышлял, разглядывая трещинки на штукатурке.

Саманта. Как она там? Помнит его еще? Та самая, которой хватило смелости приютить его, забитого щенка, псину,

показать жизнь, какой она бывает в Стабильной зоне. Стабильникам хорошо, живут они хорошо, едят хорошо, развлечения есть, музеи интересные, театры, конференции. Денег у них хватает и блага всякие, даже сами не знают куда их девать. Буферник все деньги на поддержание Буферного стиля жизни тратит — чтобы с хаты не выгнали, чтобы с голоду не умереть. И при этом — добрейшие люди, Буферники, отзывчивые до жути, работящие. Приютят, если надо, если на метро не успел, хоть и в первый раз в жизни тебя видят. А если ты друг — за тебя в выходной свой на работу выйдут, чтобы место не пустовало и за больничный не выплачивать долги. Для Буферника что не работа и не нужда, то уже равно развлечение. Клубы по интересам — а интересы то какие, мозаика, вязание, шашки! Буферникам занятия как повод для сплетен. Стабильникам — для развития души. Сэм хорошая, добрая. Справедливая! Может не роптал б, если б Стабильники все такие были, как она. Но в них злости столько, будто самые обиженные. Маски вежливости надевают, улыбаются, а сами поносят по чем зря. Даже родаки Сэм. Как у этих уродов родилась такая дочь? Саманта. Как она там? Скучает ли по мне?

Как только начало светать, Виктор вышел из дома. Опрятный настолько, насколько способен: волосы собраны в хвост, который с натяжкой можно было назвать аккуратным, бежевый костюм отглажен. При нем — только кошелек из плотной фиолетовой ткани. Сшитый Анной. Внутри — водитель-

ские права и паспорт-карта, пара фотографий в анфас, на ярком белом фоне. Одна фотография личная, сентиментальная, с какой-то блондинистой девушкой в обнимку.

Улица была безлюдна, все или спали, или уже ушли на работу, только пара фигур мела улицу однообразным движением. Бледно-серая кожа, серебристая маска, закрывающая лицо с головой, с узкими прорезями для глаз и форма: серый комбинезон с крупной эмблемой посередине «ОРТЭКС: БВ-3». Чудовища, подумал Виктор. Метут себе по кругу и пусть весь мир рухнет — продолжат мести как не в чем не бывало. На секунду взгляд его упал к собственным рукам. Может, Анна в чем-то и права, но какая разница, когда набить себя металлом: сейчас или после смерти? При жизни ты хотя бы даешь согласие. После смерти тебя не спрашивают, соизволишь ли ты стать «Пустым» или нет. Имплант в разлагающийся мозг — и вперед!

Один из Пустых внезапно выронил корзину с мусором. Бумажки и обрывки упаковок разлетались по округе, пока тот застыл в судороге, выгнув живот колесом. Виктор закатил глаза, отворачиваясь. Он с силой толкнул тяжелую дверь на входе в метро. Станция была почти пуста: работников — больше, чем пассажиров.

Поезд грохотал и скрипел на каждой остановке, и с каждой остановкой в нем становилось все больше и больше людей. Кто-то в рабочей, простой аккуратной одежде, кто-то вонял дерьмом и выглядел соответствующе. В какой-то мо-

мент завалилась группа с рюкзаками-баулами до потолка, все пыльные и грязные. Пассажиры возле поморщились. Видимо, рядом выход в Грязь. В Загрязненную зону. Такие только оттуда и вываливаются. Виктор отвел свой взгляд. Не мне судить, подумал он. Не с моим происхождением. Как там мама, интересно? Все так же? Может, проведать ее потом, после всего? Хотя есть ли смысл? Сколько она там сидит на Тишке? Двадцать лет? Дольше. И за двадцать лет на Тишке мозги усыхают. Память уж точно. Она радуется, когда я прихожу. Так, глупой такой улыбкой. Пришел бы другой, радовалась бы так же. Главное, чтобы продукты. И деньги. На Тишку.

В последний момент он понял, что поезд стоит на нужной станции. Растолкав людей вокруг, он выбежал из вагона, опередив хлесткое закрытие дверей на долю секунды. Длинный туннель-переход вывел его к очередному пункту оплаты. Недовольно хмурясь, Виктор приложил карту к серебряному турникету. Тот радостно пикнул и произнес сладким женским голосом: «Добро пожаловать в Стабильную зону: Внутреннее кольцо. Север». Станция была красивая, вычищенная, с узорами на стенах. Проехав еще пару подземных километров на уже бесшумном и плавном поезде, он наконец оказался в нужной части города. Прошло всего лишь полтора часа с того момента как он зашел в метро. Плакаты на подъеме, кричаще яркие, цепляли взгляд: «Ортэкс — залог стабильности», «Остерегайтесь некачественных имплантов

— не дайте мошенникам получить доступ к вашему телу», «Сезон кадрового набора открыт: вакансии…».

На поверхности его встретил ослепительный солнечный свет. Виктор прикрыл глаза рукой. Он вынул наушник из уха и зашел в здание неподалеку. В широком холле на белоснежных диванах раскинулось множество людей. Все смотрели на мониторы — где-то были числа, где-то — новости. Улыбчивая девушка на стойке регистратуры поймала его растерянный взгляд.

— Вам чем-нибудь помочь? — спросила она.

Остальные три администратора были заняты.

— Да, я на кадровый отбор. — Неуверенно кивнул Виктор.

— Ах, да, — девушка нырнула за стойку, раскапывая что-то среди бумаг, — вы знакомы с процедурой? Дайте ваш паспорт. — Рука с маникюром нежно розового цвета потянулась к нему.

— Нет, не знаком. — Виктор притаптывал ногой, протягивая пластиковую карточку.

Быстро вписав его данные в некий список на компьютере, она вытащила выплюнутую принтером бумагу и выдала ее Виктору вместе с паспортом.

— В этом бланке все кабинеты, которые вам надо пройти. Очередь электронная, — привстав, она указала ладонью, — вам прямо и направо, там терминал.

— Спасибо большое!

Виктор слегка поклонился ей. Она ему лишь кивнула и села на место.

Он заглянул в бланк — суммарно четыре кабинета, по порядку продолжительности: психолого-психиатрическая ускоренная экспертиза, биохимический анализ организма, краткий генетический анализ и радиологическое сканирование. Людей в коридоре и у кабинетов — тьма. Многие просто стоят, кто-то сидит на полу. Виктор взял свой первый талон и принялся ждать.

На прохождение всех кабинетов у него ушло часа три-четыре. Он перестал следить за временем, а оно как на зло с каждым часом тянулось все медленнее. Последний доктор попросил его перейти в другое место, в место ожидания — где людей было так же много, но сидячих мест — больше. Осматриваясь, Виктор увидел поднимающегося человека и быстро занял его место. Кто-то из ожидающих стоя недовольно фыркнул.

Специалист сидела в темной душной комнате, освещаемой несколькими мониторами. Она быстро просматривала сводки кандидатов и правила их. Тут одна из анкет загорелась на экране ярко-зеленым цветом:

ИДЕАЛЬНЫЙ КАНДИДАТ НА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ НУЖДЫ ПРОЕКТА «ВИРСИ» ДР-А ГРЕЙС.

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ ДОКТОРА: при обнаружении таких данных звоните мне по внутренней связи с пометкой «срочно», 929-XXX-XXX.

Специалист потерла красноватые глаза. Она неуверенно набрала номер на небольшом стационарном телефоне, стоящем на столе. Трубку подняли спустя два гудка.

— Доктор Грейс?

— Да? — хриплый женский голос с той стороны, явно не очень довольный тем, что его потревожили.

— По вашему проекту, «ВИРСИ», найден кандидат.

— Так, что у него? — недовольство в голосе поутихло.

— Из подходящего? — прижимая трубку плечом и освобождая руки для клавиатуры, спросила Специалист.

— Да-да.

— Отмечается высокая нейропластичность, — Специалист щелкнула мышкой, — да действительно. Тут нетипичный случай. Сочетается с легкой проницаемостью ГЭБ. По-видимому, генетическая мутация или следствие пренатальных факторов. Мне выслать вам данные?

На пару секунд в телефоне повисла тишина.

— Да, вышлите. — Вновь возник голос, уже оживленный. — Я сейчас приеду, минут двадцать, прошу, задержите его, отведите в переговорную, будьте добры.

— Да, конечно, Доктор Грейс.

Почти уснувший на удобном сиденье, Виктор тупил взгляд в экран телефона. Тут дверь «Для персонала» открылась. Вышла женщина среднего возраста. От быстрых шагов ее элегантный, идеально белый халат развевался по сторонам. Она подошла к ожидающим и пощурилась в их лица.

Все замерли. Ее взгляд застрял на Викторе. Тонкие брови слегка поднялись.

— Виктор Мелник? — она бросила взгляд на свой планшет.

— Да?

— Пройдемте со мной. — Она уже развернулась для отхода к двери.

— Что-то не так? — Виктор подскочил.

Все ожидающие смотрели то на нее, то на него.

— Нет, нет, для вас есть вакансия. — Быстро ответила женщина, обернувшись.

Глаза Виктора округлились. Он нагнал ее и уже шел позади.

Кто-то в коридоре закричал: «Это не честно! Не честно». Но дверь уже захлопнулась. Изоляция звука сделала свое дело и жалобный вскрик незнакомца остался неуслышанным. Виктор оказался в коридоре с выходами на несколько комнат. В одной из них стоял стол, точечно освещенный двумя низко висящими лампами. Женщина попросила его присесть там.

— Извините, не могу задерживаться более. Наш Доктор хочет поговорить с вами лично. Она скоро приедет, минут двадцать, ожидайте.

— Хорошо! — резко ответил Виктор и тут же стыдливо прищурился от своего несдержанного энтузиазма.

Она ничего не сказала ему в ответ и закрыла дверь.

Оставшись наедине со столом и лампами, он ощутил во внутренностях какое-то щемящее чувство. Виктор осмотрелся — ничего интересного. Пустая комната. Чувство только усилилось. Он откинулся на спинку стула и прислушался к себе. Образы старых воспоминаний наплывали на заскучавшее сознание. Парень нахмурился.

В глазах — силуэт мужчины в строгом костюме. Директор школы, старик Клиффорд. Почему же урод этот вспомнился? Виктор глубже погрузился в размышления. Как звали его? Не вспомнить уже. Но рожу его я точно не забуду. Никогда. Мерзкий, мерзкий тип. Улыбается, весь такой из себя благодетель, Анне сказал, что «переживает за мальчика с непростой судьбой» и «сделает все возможное», а за спиной всем растрепал что я в Грязи родился. Так растрепал, что на меня до конца обучения все учителя косо смотрели. Сынок его, Кристофер (имя то какое! Его имя я помню!) в первый же день крикнул: «Не садись рядом с ним! Он тебя гиг-ом заразит!» и давай смеяться. В Буфере так не делают, я как сейчас помню: встал и подошел к нему, он меня снизу вверх оглядел, будто я в мусорный мешок одет, так лицо скривил «Чего тебе?». Все смотрят на нас, смеются. Я ему что-то сказал, мол, что я тебе сделал лично плохого? А он на меня плюнул. Зрители еще больше хохотать, а я не выдержал, за воротничок его схватил, тут же со стула поднял и давай месить. Буферники добрые, но доброта эта с кулаками. Рука сама полетела, уперлась в его горячую, жирную ще-

ку, соскользнула, напоролась на кость скулы. Он, конечно, не ожидал, завыл, все замолкли, кто-то убежал взрослых звать. Лицо у него было в мясо. Тут пришли взрослые: психолог и кто-то еще, училка видимо. Сижу я в их белом кабинете. Вот! Виктор щелкнул пальцами. Кабинет был как этот, точь-в-точь. Она меня спрашивает, «почему», «как», «зачем». Я надулся, руки скрестил, под ноги смотрю. Говорит, в их Стабильничковой школе такого уже много лет не было. Но она тетка хорошая была, она меня доковыряла и выслушала. И до придурка этого, мистера Клиффорда, донесла что сынок его меня спровоцировал. «Разница восприятия высказываний на культурном уровне». Дело замяли, мне повезло. Меня больше не задирали. Вообще со мной не общались. Все, кроме нее. Кроме Саманты. Виктор закрыл глаза, подкладывая руки за голову. Она на следующий день ко мне села. Я смотрю, думаю, это тоже шутка какая-то? А она лучезарно улыбнулась так, руку тянет: «Я Саманта Стерлинг-Рид, а ты?». Я, неуверенно и подозрительно руку ее пожал, представился. Она же спрашивает: «А чего у тебя волос нет». Я говорю, мол, в Буфере так носят, удобно. Серьезно так покивала и говорит: «А расскажи еще про Буферную зону». Ну я и рассказал. Так и сдружились. Как ты там, интересно, Сэм…

Скрип дверной ручки вернул его в реальность. В комнату вошла женщина: высокая, тонкая, как паучиха. Левая рука — изящный и на вид дорогой протез с гравировкой под викторианский узор. На кармане халата — серебряная ручка, на

тонкой шее — тонкий черный ланьярд с пропуском.

— Виктор Мелник, как я понимаю? — хрипловатым, низким голосом спросила она.

Виктор кивнул.

— Я Доктор Грейс, можете звать просто Грейс. — Уголки тонких губ приподнялись. — Пройдемте в мой кабинет.

Виктор последовал за ней. Кабинет был парой этажей выше. Ключ-карта пискнула на замке — отворив дверь кабинета, женщина пропустила его вперед. Он оказался в светлой, просторной комнате. Из высокого окна открывался вид на большой проспект и серебристую чешую соседних застекленных многоэтажек. Ближе к окну стоял стол со стулом. Сбоку — кушетка, стеллаж с кучей ящиков и папок, еще один стул. Виктор замешкался, завороженный видом из окна. Грейс закрыла дверь, взяла стул и поставила его около стола, приглашая присесть. Сама она взяла какую-то папку со стеллажа и, достав из нее пару бумаг, поставила на место.

— Прошу прощения за ваше долгое ожидание, — присаживаясь за стол сказала она, — честно говоря, совсем не ожидала что сегодня надо будет ехать на работу. Не думала, что такой идеальный кандидат появится так рано. — Она прищурила глаза. — Виктор, вам известно, что ваш мозг обладает достаточно уникальными свойствами?

— Уникальными свойствами?

— Видите ли, ваши нейрофизиологические данные, — Грейс пошевелила мышку, пробуждая компьютер, — крайне

нестандартны.

Она внимательно всмотрелась в монитор.

— Случаи с такой лабильной и адаптивной корой — раз на десятки, если не сотни, тысяч кандидатов. Конечно, в рутинной работе эти особенности играют против своего хозяина: быстрая истощаемость, отвлекаемость, но для нашей области это идеальный материал…

— Что вы имеете ввиду? — его глаза округлились. Он подался вперед, следя за каждым ее словом.

— Извините, что-то я увлеклась. — Она потерла лоб и перевела взгляд от монитора прямо на Виктора. — Смотрите, сейчас мы ведем разработки новой серии нейроинтерфейсов. Они сильно помогут улучшить производительность биологических волонтеров, «Пустых». Так ведь у вас их называют?

Виктор кивнул.

— Помимо этого мы рассматриваем вариант применения этих интерфейсов у парализованных больных. Однако для доведения техники до совершенства нам очень нужны, как бы это назвать, калибровочные эталоны, да. Такие здоровые и адаптивные нервные системы чтобы найти и понять пороги совместимости. В нашем проекте такие как вы на вес золота. — Она развела руками.

— А что надо будет делать? — он старался держать лицо спокойным, но внутри расцветал, как иерихонская роза. «Уникальность»? «На вес золота»?

— О, это по своей сути прямое соучастие в исследовании. На первом этапе мы проведем более глубокое сканирование вашего мозга, неинвазивное. Имею ввиду, оно будет без вскрытия. Если результаты будут такие же хорошие как сегодня, и мы убедимся, что вы и вправду подходите, на втором этапе мы вживим вам микроимпланты нашей новой нейроинтерфейс-системы. После восстановления мы займемся основной частью — простыми тестами и опять же, сканированиями.

— Как я понимаю, это не самая простая операция. Насколько это опасно? — Виктор слегка нахмурился.

— В целом, я вам так скажу, — она наклонилась ближе и стала говорить тише. Он также двинулся поближе, копируя ее позу, — Риски есть всегда, так уж устроена наша наука. Все хирургические манипуляции пройдут под седацией. Вы ничего не почувствуете. Это будет похоже скорее на короткий, возможно кошмарный сон. Временный дискомфорт и спутанность сознания после операции имеют место быть, как период адаптации. Однако это не сильно отличается от любого другого вмешательства.

Она поиграла пальцами своей механической руки и продолжила:

— Только с вашими особенностями шансы на простое, неосложненное протекание этих процессов очень велики.

Она положила живую руку ему на плечо, склонив голову слегка набок.

— Поэтому, вы нам так нужны. Я понимаю, это не простое решение. Но подумайте сколько пользы мы с вами можем принести людям! — Грейс устало улыбнулась и отодвинулась. — Конечно, выбор за вами. Я не могу вас заставить. Вы должны грамотно взвесить все риски. — Она перевела взгляд на окно.

— Что по итогу станет с той системой, которую вы мне установите, после окончания исследований?

— Ну, стоит сказать, что исследование займет приличное время. Возможно несколько лет. Если все пройдет успешно, наверняка среди моих коллег будут желающие взять вас как испытуемого к себе. Но, если не захотите и у вас будет желание уйти, базовая практика нашего института — давать испытуемому выбор: оставить систему себе или же удалить ее. Все по добровольному запросу. Система, которую я планирую установить вам, очень новая модель и она изначально задумана как сверхсовместимая. Это означает что,

— Она может служить хабом для разных модификаций. — Почти шепотом перебил ее Виктор.

Грейс улыбнулась. Виктору показалось, что улыбка эта была более искренней, нежели ранее.

— Все верно.

— А что насчет оплаты? — Он уже не следил за своей ногой, та дергалась в одном ритме с его скачущими мыслями.

— Солидная. Скажем так, то, что вы получите, будет намного ценнее оплаты труда низшего институтского пер-

сонала, на который вы, как я понимаю, изначально подавались. Помимо этого, семьям испытуемых Этический Комитет предусматривает определенные привилегии и блага. Например, сокращение времени выполнения контрактов с «Ортэкс» или смена жилого пространства.

— То есть, моя тетя сможет получить новое жилье?

Все сомнения в его голосе пропали на миг. Они все еще надоедливыми червями сверлили его мозг, но образ, фантазия, возникшая в голове, вытравливала следы здравого смысла. Новая квартира. Своя комната у Анны, вместо старого дивана в прихожей. Может, даже, машина или первый год обучения в университете?

— Все так. Вы отдаете себя и свое время науке, становясь частью нашего большого механизма исследований. Вы наверняка понимаете, что для «Ортэкс» это главная ценность и они хорошо вознаграждают инициативы в этом ключе. — Она откинулась на кресле, закинув ногу на ногу. — Нет, если вас что-то не устраивает вы можете отказаться, не хочу на вас как-то давить.

— Нет, нет, пока меня все устраивает. — Виктор слегка поджал губы. Слова Анны вспыхнули в его голове, стоило вспомнить о их утренней ссоре. — Почти.

— Почти? Вас что-то смущает? Прошу, не бойтесь вопросов, с удовольствием отвечу на любой. Поверьте моему опыту. Даже самый глупый вопрос лучше его отсутствия.

— Хорошо. У меня есть опасения, так скажем, насчет рис-

ка взлома. — Неуверенно сказал он.

— Взлома? Прошу прощения, что вы имеете ввиду?

— Ну, понимаете, как во времена Пастыря. Когда люди теряли контроль над собой. Не может ли такое случиться с подобным имплантом? Это же вмешательство в нервную систему, как никак.

Грейс рассмеялась, а Виктор, от неожиданности, вздрогнул. Женщина прикрыла рот рукой. Она все еще смеялась, но уже бесшумно. Только ее острые плечи слегка подергивались.

— Ох, извините меня пожалуйста, это ужасно непрофессионально с моей стороны. — Она покачала головой. — Неужели этот миф все еще жив в умах людей?

— Вполне. — Он неловко улыбнулся.

— Можете даже не переживать. Все современные системы — закрытого типа. Доступ к ним осуществляется только через физический порт. Наши с вами исследования будут проводиться на моей технике, которая, в свою очередь, закрывается клеткой фарадея на момент любых манипуляций с человеком. Это стандартный протокол безопасности. Если война с Пастырем чему и научила людей, так это не выпячивать имплантами в открытую сеть.

— Вот как? — глаза Виктора округлились. — Теперь я понимаю, что вас так рассмешило.

— У нас в научном крыле «Ортэкс» это уже стало локальным анекдотом. Но лучше я расскажу вам его в следующий

раз. У вас остались вопросы?

— Нет. Я готов участвовать в вашем исследовании.

— Очень рада это слышать. Тогда сейчас подпишем наш контракт.

Она перебрала бумаги на столе. Щелкнул степлер.

— Вот, подпишите. Обязательно в конце укажите адрес, идентификатор и имя вашей тети или других близких. Это нужно чтобы им можно было назначить выплаты.

— Выплаты? — Виктор отвлекся от бумаг и посмотрел на нее.

Серые глаза женщины странно блеснули. Может, так просто играл свет.

— Имею ввиду льготы, прошу прощения.

Парень продолжил просматривать пункты контракта. У него возникли вопросы к некоторым из них, но, махнув на них рукой, он продолжил пролистывать бумаги. Рука его, удерживающая ручку, замерла над последней строкой. Червь сомнений еще больше распоясался, а щемящее чувство вновь вспыхнуло в груди. Несмотря на это, он поставил свою окончательную подпись резким движением кисти и отдал документы Грейс.

— Отлично, отлично. — Губы ее расплылись в улыбке, обнажая зубы. На щеках выступили морщины. — Виктор, вы сегодня ели? Пили?

— Нет, анализы же. — Он потер шею. — Хотя, конечно, есть очень хочется.

— Хорошо. — Грейс смотрела уже куда-то сквозь него. — Слушайте, для работы при институте нужен ряд прививок, но на исследованиях они немного отличаются составом.

Она перевела взгляд на монитор, затем посмотрела прямо на него.

— Вам только одну поставить, чтобы можно было уже через пару дней приступить к первому этапу. Эту вакцину желательно на пустой желудок ставить. Испытуемые отмечали сильную тошноту. Пройдёмте в процедурную, закроем вопрос.

Она встала, взяв его контракт, и подошла к двери. Виктор почти сорвался со стула. Его немного потряхивало от радости.

— Все вещи забрали? Ничего не забыли?

— Да, да, конечно.

Перед входом в процедурную Грейс заглянула в соседний кабинет. Виктору не было слышно, что она говорит. Он неловко ждал ее, встав посреди коридора.

В процедурной стояло застеленное одноразовым полотенцем кресло, напоминающее стоматологическое, и большой стеллаж с разными баночками.

— Садитесь.

Грейс подошла к стеллажу и открыла замок ключом. Набрав прозрачную жидкость в шприц, она села на катающийся стул. Виктор не смог разглядеть надпись на флаконе, но его яркая обертка показалась ему знакомой.

— Будет чуть-чуть щипать.

Она протерла его плечо спиртовой салфеткой и сделала инъекцию. Шприц женщина держала механической рукой и укола Виктор не почувствовал.

— Пока посидите, не вставайте. Пару минут надо посмотреть, вдруг реакция на препарат проявится. — Грейс отъехала от него на стуле, оттолкнувшись одной ногой. — Как самочувствие?

— Хорошее. — Его лицо не держало маску серьезности более, улыбка выросла до ушей. — Я могу позвонить сейчас? Пока ждем?

Грейс кивнула.

Виктор достал свой телефон. Открыв список контактов и разблокировав один из них, он набрал номер. Гудки: один, два, три…один, два, три… Не берет трубку. Сэм не берет трубку. Гудки. Его улыбка по чуть-чуть уменьшалась, пока не стала его привычной, усталой. Ничего, наверное, занята, подумал он. Потом позвоню. Или она сама перезвонит, если захочет. Вот она обрадуется. Меня взяли! И не просто взяли, взяли в какой-то крутой проект! Это конечно не учеба в институте, но тоже в науке! Как Сэм! Уникальный мозг, мать твою! Все увидят, они все поймут, что ошибались на мой счет. Вот она, жизнь!

Виктор посмеялся. Глаза Грейс внимательно следили за каждым его движением. В ее каменно-дружелюбном выражении лица вырос какой-то хищный интерес. Тут в кабинет

зашла Специалист, которую он видел ранее. В руках у нее была небольшая пластиковая коробка на защелках. Ее брови поднялись, когда она увидела Виктора. Грейс кинула на нее взгляд и кивнула. Специалист закрыла за собой дверь.

— Каталку скоро привезут, я сообщила. Что-то он долго. — Женщина встала у двери, подбоченясь.

— Да, меня тоже удивляет. — Грейс потерла подбородок.

Виктор, нахмурив брови, привстал в кресле, сам не понимая почему. Щемящее чувство медленно превращалось в тревогу, что постепенно переползала в панику. Он оглядел обеих женщин с недоумением. Грейс осадила его металлической рукой.

— О чем вы? «Каталку»? — спросил он растерянно.

Обе женщины уже не скрывали искреннего удивления.

— Это регламент. На случай если вам станет плохо, да. — Фальшиво, Специалист улыбнулась.

— Сейчас, с минуты на минуту должно схватить. Не бывает такого.

Грейс вдавила его в кресло своей рукой. Холод металла впился в кожу плеча, несмотря на слой плотной ткани пиджака.

— Я не по, — Виктор оборвался на полуслове. Он внезапно ощутил слабость, сковавшую рот.

Слабость пришла от руки, от места укола, схватила его за кисти, сначала легким покалыванием, а затем она и вовсе отрезала конечности. Он хотел поднять руку, размять ее, но

не смог, обе обвисли как кукольные. Онемение разливалось по телу. Стало тяжело дышать. Ноги уже некоторое время как перестали его слушаться, однако заметил он это только сейчас. Виктор хотел закричать, но не смог. Он закашлялся. Спазм задушил его. В ушах только усилился шум, заглушающий окружающие звуки. Все потонуло в гулком токе его собственной крови, отчаянно бьющейся в висках. Тьма наступила со всех сторон, оставляя лишь маленькое окошко, которое от мгновения к мгновению становилось все меньше и меньше. Затем, чернильная тьма проглотила его окончательно.

Глава 2. Давление внутри стеклянной клетки.

Резкая химическая вонь моющего средства выветривалась через большое открытое окно. Влажная напольная плитка блестела глянцевой чистотой, словно отполированный винир. Оперев швабру о стену, светлая блондинистая девушка закрыла дверь лаборантской. Подсохнет и можно вернуться, подумала она, протягивая руку к ведру. А пока можно унести инвентарь.

Спокойствие момента разорвал нарастающий шум. Из-за угла она услышала топот нескольких ног. Первым выбежала серая масса, напоминающая человека лишь отдаленно. Пустой. Мыча, громко топая и неловко переставляя толстые отекшие ноги, он бежал в ее сторону.

— Стой! Сэм? Останови его, Сэм!

Следом за ним спешил молодой парень в неопрятном, испачканном чем-то жирным халате, держащий в руке короткий шприц.

Момент для Саманты замер. Этот Пустой не перышко, масса серьезная, подумала она. Нет, ей его не остановить. Он скорее столкнет и размажет ее по всей плитке. Что же делать? Плитка… Да, точно, плитка! Схватив тяжелое ведро, она опрокинула его. Грязная вода растеклась, образуя боль-

шую мыльную лужу. Тут же девушка вжалась в стену.

Пустой, не сбавляя ход, пробежал по луже. Голые ступни проскользили по плитам. Груда мяса с металлом рухнула. По коридору раздался звон — его каска ударилась о плитку. Валяясь на полу, Пустой мычал и кряхтел, неловко двигая конечностями. Будто жук, перебирающий лапками, неспособный перевернуться. Подоспевший парень ткнул его шприцом в складку на шее. Через мгновение Пустой совсем успокоился и продолжил лежать уже обездвижено, с открытыми, тупыми глазами. В которых никогда — ни сейчас, ни ранее — не было и следа осмысленности.

— Хо, спасибо подруга, хорошо придумано. — Парень оперся о колени и восстанавливал сбившееся дыхание. Вдох. Выдох.

— Старшая три шкуры с нас спустит. — Саманта прикусила щеку. Только сейчас она заметила, что все еще сжимает ручку ведра побелевшими пальцами.

— Ну, не думаю, что было бы лучше, если бы эта котлета кандидатов распугала.

— И то верно. — Саманта хмыкнула. — Что вообще произошло?

— Да ничего и не произошло. — Он пожал плечами. — Обслуживал циркуляторный компрессор, консервирующие жидкости менял. Уже готов был сдать его, как он задергался, порвал ремни и драпанул.

— Ясно. Может контакты на «Сетке» замкнуло? Материя

то не молодеет.

Парень задумчиво кивнул.

Саманта перевела взгляд с Пустого на мокрый пол.

— Я, кстати, это убирать не буду. — Она хитро, с прищуром, улыбнулась парню, передавая красное пластиковое ведро. Уже пустое.

— Черт, так и проси тебя о помощи! — он посмеялся.

Пару секунд они стояли, тупя взгляды на безразлично развалившегося на полу Пустого.

— Слушай, Сэм, ты куда на обед?

— Мм, думаю тут останусь. — Уголки ее губ на полмиллиметра опустились вниз. Легкая улыбка из искренней стала просто вежливой.

— Может сходим куда-нибудь? В «Большевик»?

— Ох, даже не знаю. — Она потерла мизинец правой руки.

— Да чего ты, Сэм, нельзя все время сидеть в клинике.

— Билл, я бы с радостью, но сегодня правда много дел. Я быстро перекушу в лаборантской. — Она слегка похлопала его по плечу. — Позови лучше Таню, она всегда за.

— Хорошо Сэм, понял. — Его улыбка спала, а взгляд с Саманты скользнул на Пустого. — Пойду за каталкой, надо же эту тушу увезти.

— Давай, удачи.

Девушка вздохнула, смотря ему в след.

Обед. Час спокойствия и уединения. Саманта направилась

в раздевалку. За металлической дверью ниже первого этажа находилась комната с низкими потолками, заставленная серыми шкафчиками в несколько рядов. Какие-то шкафчики были в магнитах, какие-то в наклейках. Кроме нее — никого. Видимо мало кто смог выкроить время даже на обед. Пару минут она просто сидела на скамейке, просматривая сообщения на телефоне. Тишина. Слышен только гул вентиляции: толстой шершавой трубы на потолке. Саманта открыла свой шкафчик, достала расческу и капли для глаз.

Подойдя к зеркалу в полный рост, она распустила волосы и принялась их расчесывать. На пару секунд она замерла. Приблизившись к зеркалу, пристально осмотрела свои темные круги под глазами, оттягивая кожу пальцем. С каждым годом все темнее, заметила она с досадой. Увидев ее сейчас, Виктор бы ругался: «Опять ты со своей наукой, как одержимая. Ты вообще Стабильничка, ты ж можешь позволить себе отдохнуть! Так чего не отдыхаешь?». Ее губы разошлись в искренней, печальной улыбке. Тогда она сказала ему: «Ты просто не понимаешь. Я должна победить в этой олимпиаде. Мама говорит, шансов попасть к крутым Докторам на стажировку с победой в ней выше! Потом отдохну…». Но, отдыхать больше она после этого, конечно, не стала. Ох, ругался бы на нее Вик. Где он сейчас вообще? Чем занимается? Вопросы, ответить на которые никто не мог. Кроме него самого, заблокировавшего ее контакт и не принявшего более ни одного из ее сообщений, ни одного из ее звонков.

Собрав волосы в аккуратный пучок, она закапала глаза и бросила капли в маленький нагрудный кармашек хирургички. Вернувшись в лаборантскую, она достала из общего холодильника свой контейнер с едой. Рис и котлеты, то, что надо.

— Стерлинг-Рид? — вошедшая в комнату женщина отвлекла ее от трапезы.

— Да, Доктор Шоу? — голос Саманты слегка дрогнул от неожиданного появления заведующей отделения.

— Как закончите трапезу, заполните отчет по сегодняшнему… — Мясистые губы пожилой женщины сжались в полоску. — …инциденту с биоволонтером.

— Да, конечно. — Саманта отвела глаза в пол. Кровь прилила к ее лицу.

— И да, Стерлинг-Рид, стоит ли мне вам напоминать о том, что каждое повреждение биоволонтера в стенах этой клинике ударяет по нашему бюджету и времени?

— Нет, Доктор Шоу, я понимаю, просто,

— Не хочу слышать. Просто заполните отчет. Описательная записка о повреждениях уже в системе. — Громко выдохнув через нос и презрительно осмотрев лаборантскую, она вновь заострила свой взгляд на Саманте. — Доктор Грейс на месте?

— Нет, у нее сегодня выходной.

— Хорошо, тогда как напишите отчет подходите, я дам вам новые задачи на остаток дня.

Доктор Шоу кинула последний взгляд и удалилась.

— Дурдом, а не день. — Эхом раздался голос женщины в коридоре.

Как только она ушла, Саманта закрыла лицо руками и громко выдохнула. Минуту-другую она потирала виски. Успокоившись, она доела еду, помыла потертый металлический контейнер и села за компьютер. Отчет так отчет.

Саманта не думала, о чем пишет. Буквы по привычке сами набирались в промежутки, которые она заполняла уже далеко не в первый раз. Любое повреждение биоволонтера — отчет. Любая поломка — отчет. Применение любого препарата, помимо установленного ремонтным планом — отчет. Любое странное поведение — в общем, понятно. С одной стороны, может и хорошо, что «Ортэкс» держат все под контролем. Все-таки и биоволонтеры тоже когда-то были людьми. Даже если сейчас они просто тела, не дает же это нам права относиться к ним как к расходному материалу. Она резко остановилась печатать. Нахмурилась. Пальцы ее застыли в миллиметрах от клавиш. Но разве мы так и не делаем? Разве для нас они не просто расходный материал? «Для них мы все просто материя, Сэм». В ее мыслях прорезывался до боли знакомый голос. «Даже после смерти мы будем пахать на них». Голос с насмешкой. «Не успеешь при жизни контракт закрыть, закроешь в загробной! Кто знает, уходит ли душа наверх или остается внутри Пустого? Может это и есть ад? Тюрьма для души, вечно ходить по зем-

ле, все понимать, но не мочь даже голос подать, даже крикнуть». Тогда она назвала его безумцем, сказала, что он ничего не смыслит в современных технологиях. Может Виктор был в чем-то да прав. Каждый раз смотря в эти блаженные, туповатые глаза биоволонтеров, она не могла не задумываться о его словах. Может поэтому ее родители так невзлюбили его. Саманта щелкнула по кнопке «Печать». Виктор по-другому смотрел на мир. Принтер, жужжа, выкатил теплые листы. Когда он выйдет на связь? И выйдет ли вообще? Она скрепила листы.

С начала сезона поиска кандидатов ей не везло. Проблемы наваливались одна за другой, все важные Специалисты и Доктора были заняты. Каждый считал своим долгом свалить на нее самые неприятные обязанности. А сегодня еще и Доктор Грейс не в клинике. Грейс строгая, но спокойная. Всегда объяснит и поможет. Доктор высшего разряда, независимый ученый, даже свою личную лабораторию ей выделили. В биоволонтерах лучше нее никто не смыслит! Лучшего наставника и представить нельзя. Как же Саманта радовалась, узнав к кому она попала в лаборанты! Жаль Виктора не было рядом. Он бы за нее порадовался. Они давно рассорились к тому моменту. Из-за нее. Из-за Саманты. Она помотала головой. Тихо, мысли. Не время. Время сдавать отчет.

Она уже собиралась постучать в дверь кабинета Доктора Шоу, но телефон разыгрался попсовой мелодией.

— Сэм, ты где? — хрипловатый голос на том конце.

На фоне прорезался шум двигателя, похожий на непрерывное, зацикленное рычание хищного зверя. Зверя, обмотанного с головы до ног стекловатой.

— Здраствуйте, Доктор Грейс, я в клинике. — Саманта оперлась спиной на стену.

— Бери у Шоу мои материалы по докладу, езжай домой, готовься. Сегодня выступишь вместо меня.

— Я? — от неожиданности она вскрикнула. Стыдливо осмотревшись по сторонам и поняв, что ее никто не слышал, она продолжила. — Вы имеете ввиду, на Симпозиуме?

— Да-да.

— Но как, я, я ведь никогда…

— Увы, никому это не могу доверить кроме тебя.

— А вы?

— У меня появились неотложные дела в клинике.

— Дела? По какому-то из ваших проектов?

— Тебе все скажи. — Смех, пропущенный через рябь помех связи. — Пойми только то, что мне сейчас не до сборищ яйцеголовых. А доклад то хороший. Очень даже.

— Вы правда верите, что я смогу? Я ведь,

— Глупый вопрос, Саманта, не позорься. — Отрезала она. — Ничего сложного там не будет. Конечно, доклад утратит мой шарм под твоим началом, но эффект все равно должен произвести.

— А что за тема вообще?

— Возьмешь материалы и узнаешь. Решай, берешься или

нет? У меня, знаешь ли, не так много времени найти тебе замену в случае отказа.

Саманта замолкла.

— Ты там уснула? Ну, давай, говори уже.

— Хорошо, Доктор Грейс. Я выступлю.

— Вот это я и ожидала услышать с самого начала. Молодец.

— Постараюсь оправдать ваши ожидания.

— Ты уж постарайся. Давай, удачи там.

Не успела Саманта открыть рот, как на том конце уже положили трубку. Тишина навалилась на нее. Голова пошла кругом. Выступить. На Симпозиуме. Сегодня.

— Доктор Грейс сказала мне…

Саманта ввалилась в кабинет Доктора Шоу с глазами по пять копеек. Два голубоватых шарика, с маленькой черной точкой посередине.

— Я знаю. — Шоу резко взмахнула рукой. — Вот, держи.

Папка со шлепком упала на край стола.

— Отчет брось в тумбу у входа. И не опозорь нас сегодня.

— Я постараюсь!

— Все. Иди. Иди отсюда. — Доктор Шоу посмотрела на нее тяжелым взглядом.

Саманта послушно удалилась, забыв отдать отчет. Он так и остался в ее руке, сжатый и помятый. Уже в раздевалке она хлопнула себя по лбу.

⁂

Огромные окна двухэтажного пентхауса выходили на город. Саманта сидела на ковре посреди просторной, светлой гостиной. Соседние высотки растворялись в тяжелых облаках. Вдалеке, на линии горизонта виднелась темная кромка залива. Внизу, как маленькие насекомые, копошились люди и машины. К этому виду девушка давно привыкла.

Симпозиум был всего через пару часов. Пустая тишина прерывалась лишь шуршанием страниц и глухим щелканьем клавиатуры. На ковре были разложены листы, где-то валялись книги с кучей закладок: «Некронейрофизиология биоволонтера, Специалист Малькольм Маккензи», «История интерфейсов человек-машина: от времен «Пастыря» к современности, Специалист Дмитрий Варнер», «Ограничения некротизированных мозговых сетей, Доктор Грейс Либерти». На ноутбуке открылись слайды, исчисляющиеся не десятками — сотнями. Саманта погрузилась в занятие, которое у нее получалось лучше всего. В анализ. В понятный и знакомый ей мир терминов, данных, таблиц и схем. В них не было трясущихся рук и выпрыгивающего из груди сердца. В них не было вины и стыда.

На большом диване позади нее валялся телефон. В какой-то момент на нем высветился звонок от контакта «Вик». Но звука не было — телефон стоял на беззвучном.

Саманта потянулась, громко выдохнула и с хлопком закрыла ноутбук. Сложив книги в аккуратную стопку и уложив на журнальный столик из затемненного стекла, она вста-

ла, отряхнулась и взяла телефон — посмотреть время. Скоро выходить. Пропущенный? Кто там еще? Она заглянула в журнал звонков. Ее брови взлетели. Саманта чуть не выронила телефон из рук. Тут же она набрала номер Виктора, не из контактов, по памяти. Гудки пошли. Он разблокировал ее. Сердце заколотилось бешенным ритмом неравномерных ударов. Никто не берет трубку. Но ведь разблокировал? Верно? Наверное, он сейчас просто занят. Он перезвонит. Или она позвонит еще раз. Потом. Сейчас уже пора. Времени мало.

Она ушла одеваться, взволнованная, но довольная. Строгий пиджак неоново-зеленого цвета, приталенный желтым ремнем, и брюки с разрезами по бокам. Все по канонам нарядного официального стиля. Завершающий элемент — маленькая неказистая брошка. Медного цвета, с изображением цыпленка. Подарок Виктора на день рождения. Последний из тех, что они праздновали вместе.

⁂

Длинная машина, отливающая начищенным серебром, остановилась у большого здания «Ортэкс Экспоцентр Холл». Швейцар в кричаще-черном костюме подал Саманте руку, помогая вылезти из низко-посаженого «Гросс-Ройса». У тонких пепельниц, напоминающих бокалы для мартини, стояли группы мужчин и женщин в дорогих одеждах. Они смеялись и бурно что-то обсуждали. Следом за Самантой вышла ее мать, а затем и отец. Водитель забрал у него

ключи и увел машину к парковке. В компанию к другим, таким же элитным автомобилям. И все же, «Гросс-Ройс» Стерлинг-Ридов среди них продолжал выделяться особняком. Отцу кто-то махнул: «Наш любимый советник собственной персоной!». Крупный мужчина указал на него трубкой. Джордан отошёл к ним, кивнув жене, а Саманта с матерью прошли к главному входу.

— Дорогая, я уверенна ты выступишь отлично. — На светловолосой женщине желтое платье с длинными разрезанными рукавами сидело так, будто его шили под ее личные замеры. Впрочем, так и было.

— Что-то я сомневаюсь.

Саманта пыталась контролировать свое поверхностное, тревожное дыхание. Техники успокоения, данные врачом, не сильно помогали, и она начала чувствовать легкое головокружение.

— Все будет замечательно. — Секвойя заглянула в глаза дочери. Она стряхнула пылинки с ее плеч. Тут, ее взгляд зацепился за брошку. Лицо оставалось прежним, но в голосе был слышен легкий упрек. — Зачем ты нацепила этот хлам?

— Мам, давай не будем.

— Саманта, посмотри, — мать приобняла ее, — ты в таком месте будешь выступать. — Она плавно провела рукой по воздуху. — Это все наши люди. И твое место — среди этих людей. Пора забыть про прошлое. — Рука Секвойи потянулась к брошке.

— Нет, — твердо отрезала Саманта, прикрыв брошку кистью, — я попросила. Давай не будем.

— Как знаешь. — На лбу у матери появилась одна единственная морщинка.

— Добрый вечер Саманта Стерлинг-Рид. — Одетая в строгий фрак женщина, удерживающая небольшой планшет, подошла к ней.

— Здраствуйте. — Голос девушки слегка дрогнул.

— Рады видеть вас в наших стенах.

Женщина во фраке поклонилась, сгибаясь в туловище и отводя руку назад. Саманта слегка склонила голову. Наблюдая за процессом обмена манерами, Секвойя улыбнулась.

— Выступление в котором вы представляете Доктора Грейс Либерти начинается через тридцать минут. Вас проводить в комнату для подготовки? — спросила женщина.

— Да, пожалуйста. — Саманта бросила взгляд на Секвойю. — Увидимся, мам.

— Удачи, доченька! — Та элегантно взмахнула рукой. Зеленые глаза ее тут же побежали по холлу в поисках мужа.

Комната для подготовки представляла собой большое помещение за кулисами сцены. Зеркала, яркие лампы, пара компьютеров, диваны и ковры. Помещение было задымлено, там и тут сидели люди. Саманта не знала куда себя деть и присела за один из столиков. Девушка принялась перечитывать доклад в очередной, сотый или сто-пятый раз. Она не хотела подслушивать, стараясь сфокусировать внимание на

тексте, но разговоры сами донеслись до нее.

— И в конце подходит он ко мне и говорит: «Вы, конечно, большой молодец, Специалист Мейсон Гриббс, но я одного не пойму, зачем оно нам надо!». — Мужчина, вальяжно расположившийся на диване, залился раскатистым смехом.

— Я большего и не ожидала. — Ответила его собеседница, посмеиваясь.

— Верно. Ну, за продвижение науки! — он поднял бокал с голубоватой жидкостью.

— Кто если не мы? За нас!

Раздался звонкий стук стекла. Отпивая из своего бокала, женщина скользнула по комнате скучающим взглядом. Она наткнулась на Саманту и с удивлением хлопнула мужчину по плечу.

— Это Лаборантка Доктора Грейс Либерти. Дочь Стерлинг-Ридов. — Безразлично бросил он, даже не обращая на нее своего взгляда. Уши Саманты покраснели.

— Ох, неужели наша Грейси не придет сегодня? — с искренним разочарованием протянула женщина.

— Нет, опять занята чем-то. Сегодня мне позвонила. — Мужчина вздохнул.

— Как жаль.

— Да, жаль.

— Она бы им тут подожгла седалища.

— Им всегда ей нечего ответить. Странно, что она еще не Специалист.

— Ничего странного. Наоборот, все абсолютно понятно. Ты же сам знаешь правила игры. Не лезь туда, куда не надо. А Грейс лезет. Я бы сказала: странно, что ее еще не выкинули.

— И то верно.

Невидимые стены навалились на Саманту. С одной стороны, внутри нее разрасталась гордость — быть ученицей такого известного ученого! Но с другой, как затаившийся в кустах мародер Загрязненной зоны, засел страх. Чем больше гордости, тем сильнее на плечи давила ответственность. Саманта покрутила брошку. Грейс разрывает публику. Люди или любят ее, или ненавидят. Ее ледяную убежденность в своей правоте, ее гениальность. Нет человека, который бы относился к ней нейтрально. А сейчас Саманта выйдет с ее докладом. Девочка с глупым цыпленком на груди и дрожащим голосом. И что? Будет ли кто-то слушать ее? Не ошиблась ли Грейс в своем выборе? Она видит мозги как открытую книгу, но это же не значит, что там есть хоть глава о душах. Девушка стала часто дышать. Грейс ошиблась. Она ошиблась как ошибается любой человек. Мне здесь не место. Я не справлюсь. Опозорю и себя, и семью, и…

Через шквал мысленного потока прорвался не образ — команда. «Не неси чепуху» Виктор. Два года назад. Ни Грейс, ни мама, ни папа. Виктор.

— Будь ты такой глупой, как говоришь, ты бы не сидела здесь и не волновалась. Тебе было бы все равно. — сказал он ей перед вступительным экзаменом, когда у нее в глазах

темнело от одной только мысли зайти в кабинет.

— У тебя все получится. Так было каждый раз и каждый раз у тебя получалось. Помнишь, как тебя трясло перед допускными? И что по итогу? Ты прошла их блестяще. Чем этот раз хуже?

Тогда, она поникла и сказала:

— Вот только в этот раз на кону стоит все. Второго шанса не будет.

— Как будто ты когда-то пользовалась «вторым шансом». Сдашь ты, успокойся уже.

— Было бы все так просто! Мне нужно не просто сдать, мне нужен результат, такой, за который не будет стыдно.

— Мы только и делали что сидели над этими задачками этот год. Ты умеешь их решать. Не глупи, давай, вдох-выдох и хватит накручиваться.

— Ты просто не понимаешь. — Она помотала головой. — Это не просто пройти через порог, Вик. Стоит мне допустить ошибку и все, я останусь ни с чем. Все будет зря. Из-за какой-то одной задачки.

Виктор нахмурился.

— Я не понимаю? — вспылил он вдруг. — Это я не понимаю? Сэм, ты издеваешься? У меня, в отличии от тебя, нет запасного плана. Нет богатых и знаменитых родаков. У меня да, все стоит на кону, как ты и сказала. И при этом я спокоен. — Он выдохнул, отведя взгляд. — Паникой тут себя не спасешь. Твои страхи сжирают тебя изнутри, а ты им только

помогаешь.

— Прости, я не хотела тебя задеть.

Саманта вся сжалась, потирая мизинец.

— Я просто не верю, что смогу. — Тихо добавила она.

Виктор положил руки ей на плечи. Она удивленно посмотрела на него, подняв голову.

— Не веришь себе — поверь мне. Мне-то ты веришь? А, Саманта?

— Саманта, — чужой голос вырвал ее из воспоминания, — прошу прощения,

Рука, одетая в перчатку, оказалась на плече. Девушка обернулась. Возле нее стояла та самая женщина с планшетом, что встретила ее ранее.

— К нашему глубокому сожалению произошли некоторые изменения в расписании. Ваше выступление следующее после этого.

Девушка кивнула. Уверенность, разбуженная старым воспоминанием, прилила к ней. Медленным, слабым потоком, вытеснила тревогу. Тревогу, которая никуда не собиралась уходить окончательно. Она только подвинулась в сторону, оставляя пространство для самоконтроля. Девушка сжала кулак. Я не могу позволить им себя задавить, твердо решила она. Я выступлю. Как выступлю, так выступлю. Вик не позволил бы мне так плохо про себя думать. Он не замечал, как у меня дрогнул голос или как я поставила ударение не на ту букву. Он всегда видел суть, да. Саманта подняла голову.

Мужчина с дивана бросил на нее надменный взгляд и закатил глаза. Выступления уже давно шли. На подпотолочном телевизоре в комнате — дублирующая их трансляция.

Ведущий объявил следующее выступление. Она выпустила брошку из рук и встала со стула. Она поднялась на сцену. Фонари ослепили ее, как лося на обочине шоссе. В затемненном зале она разглядела силуэты зрителей, внимательно ее изучающие. Кто-то скривил губы, кто-то скептично улыбнулся. Отец и мать сидели на одном из дальних, отдельных столиков в лоджии. Она вышла на сцену, как на публичную казнь. Но в ее глазах не было страха.

— Здраствуйте, уважаемые коллеги, меня зовут Саманта Стерлинг-Рид.

Ее пальцы, спрятанные за кафедрой, неукротимо дрожали, сжимая бумаги.

— Я лаборант Доктора Грейс Либерти и сегодня представлю ее доклад по теме «Нейропластичность как потенциальный ресурс интерфейсов машина-человек».

Она еле заметно выдохнула. Собственный голос, пропущенный через усилитель звука, показался отдаленным, чужим.

— Все вы должны были слышать о новых разработках Доктора Грейс в рамках совершенствования систем «Паутина». Вы прекрасно знаете, что первая «Паутина» была разработана для интеграции здорового оператора и боевой машины, дрона или авто-наводящегося оружия в Гражданской

войне 2040-х годов. Ключевое слово: здорового.

Саманта оперлась на кафедру. Процесс подхватывал ее, подкармливая растущую уверенность. Дрожь отпускала ее.

— После восстания «Пастыря» разработки систем «Паутина» были заброшены и запрещены, как потенциально опасные в случае возникновения враждебного арт-интеллекта, который в те времена еще называли «искусственным». И только спустя тридцать лет технология получила свое второе рождение. Теперь упрощенные потомки «Паутины» — «Сетки», стоят в каждом черепном коробе биологического волонтера. Однако разработки полноценно развернутой системы «Паутина» на живом мозге так и не проводились. Во всех исследованиях используются данные полученные до и во время войны.

Она развела руками и голос ее стал более громким:

— Вы представляете как сильно эти данные могли устареть? Доктор Грейс настаивает на том, что нам важно вернуться к разработкам и более того, использованию «Паутины» на, я подчеркиваю, здоровом мозге.

Это словосочетание застряло в ее горле комком. «Здоровом мозге». Она быстро проглотила комок, почти не сбившись в своей речи, и продолжила.

Сидевшие у ближайших столиков ученые начали переговариваться. Саманта лишь на мгновение бросила на них взгляд. Большую часть времени она смотрела сквозь них, не фокусируясь ни на одном из лиц. Седой мужчина, на

вид которому было не менее шестидесяти лет, взмахнул рукой, гневным шепотом доказывая что-то своему собеседнику. Тот, мужчина более молодой, одернул его, прося говорить тише.

— По мнению Доктора, начать стоит с испытаний на добровольцах с высоким потенциалом нейропластичности. Важнейшим фактором она считает наличие мутаций в клетках гематоэнцефалического барьера.

Дискуссии в зале перерастали в споры. Саманта окончательно почувствовала себя в своей тарелке. Они спорили о докладе Грейс, но представляет то его она. Она справляется. У нее получается. У нее правда получается. Как минимум, никто не зевает. А это уже победа.

— Разработки на живом, здоровом мозге позволят откалибровать систему достаточно тонко, что увеличит ее эффективность. Это отразится не только на потенциальных возможностях новых серий биоволонтеров, но и на будущем всей промышленности. Доктор Грейс выделяет систему человек-машина как будущее всех разработок «Ортэкс».

Тот самый седой мужчина все не успокаивался. Он ударил по столу так, что бокал молодого опрокинулся. Перепалка между ними становилась все более заметной. Женщина из персонала, что забирала грязные стаканы и доливала напитки, осторожно, пригнувшись ближе к голове седого мужчины, что-то шепнула ему. Тогда он, недовольно хмурясь и поджимая губы, спрятанные под густой бородой, откинулся

на мягкую спинку кресла.

— Только представьте: еще шестьдесят лет назад у «Орт-экс» были технологии, позволяющие успешно интегрировать человеческий мозг и систему управления артиллерийской системой. Наши коллеги, еще в те времена, так же смогли объединить оператора-человека с модулем управления подводной лодкой «Ярость Арктики», той, что была подарена Северным Объединенным Штатам в далеких сороковых годах. Доктор Грейс заключает: Практический потенциал огромен, в том числе в сфере гражданских технологий, а страх перед более чем полвека как несуществующим «Пастырем» не должен останавливать нас от прогресса! Прошлые системы распознания мозговой активности работали на неограниченных арт-интеллект протоколах, что и вызвало каскад захватов управления. Однако, человечество уже давно осознало свои ошибки. В наше время есть технологические мощности провести эти протоколы без использования продвинутого АИ, а лишь через его инструментальные модификации. Предложенную Доктором схему вы можете увидеть на следующем на слайде.

Саманта оглянулась через плечо, проверяя, хорошо ли видно слайд. Тут, она резко посмотрела перед собой, услышав громкий мужской возглас.

— Это немыслимо! — седой мужчина подорвался со своего места. Кулак его ударил по столу. — Девушка, не примите это за личное оскорбление. Но это просто отвратительно!

Наш мир только недавно оправился от потерь войны, а вы предлагаете начать ее вновь? — с вызовом в глазах он посмотрел прямо на нее.

— Что вы имеет ввиду? — искренне не понимая, спросила она.

— Я имею ввиду, что мы до конца не можем доказать смерть «Пастыря».

Тут через всю аудиторию понеслись недовольные настроения, направленные пожилому мужчине. Мужчина поднял руку, призывая к тишине. Девушки из персонала переговаривались между собой, будто искренне не понимая, как поступить с внезапным прерыванием доклада, время которого подходило к концу.

— Мы не можем так уверенно утверждать, что в пятьдесят первом «Пастырь» был окончательно побежден. Есть аргументы, напротив, доказывающие что он, возможно, не справившись с принятием все более усложняющихся решений, ушел в долгосрочную спячку, скопировав себя.

Саманта свела брови и уже почти открыла рот, чтобы возразить. Однако ее опередил молодой парень, сидевший неподалеку от пожилого мужчины:

— Какие аргументы? — он тоже встал со своего места. — Если имеются ввиду те, о которых вы говорили мне моментом ранее, уважаемый коллега, то это нельзя назвать ничем кроме как «старческой паранойей».

— Прошу вас, коллеги, давайте не переходить на лично-

сти. — Вмешалась Саманта. — Позвольте мне,

— Коллеги? — отвлекся пожилой, — Такие как ты — мне не коллеги. Такие Грейс и все тут сидящие, все те, кто посчитал что это «хорошая затея». — Он ткнул молодого вы грудь тонким жилистым пальцем.

Саманта, уязвленная словами пожилого, поймала взгляд своих родителей. Джордан, увидев напряженное лицо дочери, взмахом руки подозвал кого-то из персонала. Он стал что-то говорить подошедшей молодой девушке, бурно жестикулируя. Девушка кивала, будто соглашаясь с каждым его словом. Она поднесла ко рту небольшое устройство и заговорила в него.

Двери распахнулись и внутрь зашел средних лет статный мужчина. За ним шли двое серьезно экипированных охранников. На их черной форме красовалась надпись «С.О.Г.О». Мужчина, проверив микрофон, закрепленный на ухе, попросил у аудитории прощения и сделал попытку призвать спорящих к миру. Он посмотрел на Саманту с сожалением. Но двое мужчин уже схватили друг друга и их спор перерос в настоящую драку.

Кулак пожилого прошел мимо лица молодого и тогда тот, более не сдерживаясь, облил своего коллегу водой из вазы с алыми гвоздиками, а затем набросился на старика с двумя кулаками. Статный спустил охранников и те, быстро разняв мужчин, вывели их, активно сопротивляющихся и не упускающих возможности пустить озлобленные комментарии в

сторону друг друга. Затем статный раскланялся в извинениях и попросил Саманту закончить прерванный доклад.

Окончив выступление сводами данных в таблицах, Саманта почтительно поклонилась публике, попрощалась и ушла закулисы. В те секунды как она оказалась за плотными черными шторами, в переходе от сцены до комнаты, ее затрясло. Адреналин ударил ключом. Перед открытием двери в гримерную комнату, она глубоко вдохнула и выдохнула. Дрожь уменьшилась, уступив место радости. Когда она вошла в комнату, на нее смотрели с интересом. Тот самый мужчина, сидевший на диване, перевел взгляд с трансляции сцены на Саманту.

— Неплохо для первого раза, Стерлинг-Рид, — мужчина указал на трансляцию, — даже не смотря на попытку старика сорвать ваше выступление. Не обращайте внимания, он немного не в себе, знаете ли.

— Спасибо, — Саманта почтенно склонила голову, — буду иметь ввиду.

— Передавайте приветы Доктору Грейс.

— Хорошо, передам. Только, сообщите пожалуйста, от кого? — Саманта пощурилась. На ее лице вырос оттенок снобизма.

Мужчина удержал лицо, но его тонкие губы вытянулись в струну.

— От Специалиста Мейсона Гриббса. — Ответил он через зажатую улыбку. Со стороны молодой лаборантки это

был удар ниже пояса.

— Хорошо. Удачи в вашем выступлении. — Она кивнула и вышла из комнаты.

— Спасибо. — Процедил он.

Отец и мать уже ждали ее у выхода.

— Ты отлично справилась, милая! — Секвойя кинулась обнимать дочь. — Какой невоспитанный старик. Надо же было ему именно твой доклад срывать.

— Гордимся тобой, Саманта, хорошо справилась. — Джордан приобнял ее со свободной стороны.

Впервые за долгое время она почувствовала себя по-настоящему любимой. Теплое чувство разлилось по груди.

— Едем домой? Или может хочешь куда-то сходить в честь такого успеха?

— Ох, сейчас никуда не хочется. Устала. — Саманта аккуратно почесала глаз.

— Прекрасно тебя понимаю. Домой так домой.

⁂

Столовая представляла из себя помещение с длинным столом посередине и всего тремя стульями. Остальные стулья были сложены и убраны в пазы в стенах. За ненадобностью. На столе было несколько крупных тарелок и больше тарелок поменьше. В каждой из них было какое-то блюдо — почти все из них были с мясом. Красивая, резная посуда, свечи на газу. В стену-перегородку был встроен тонкий телевизор около девяноста дюймов в диагонали. Шел спец-

выпуск вечерней передачи, посвященный «Дню освобождения». Джордан не отрывал от него взгляда.

Саманта сидела напротив матери. Ее радостное настроение после успешного выступления омрачал тот факт, что Виктор так и не перезвонил. Более того, он не отвечал на ее звонки. Она положила телефон возле себя, периодически посматривая на него.

— Ты была просто великолепна! — восторженно сказала Секвойя, аккуратно отделяя жилы от мяса. — Твой образ был восхитителен, прям как нам надо: молодая и амбициозная, преданная науке, собранная, чистая от низких сантиментов. Нам такое для продвижения кампании самое то.

— Грейс не просто так тебя взяла. Она разбирается в людях. — Джордан кивнул, не отрываясь от телевизора. — Ты часть большой науки теперь. Важно не распыляться и следовать… — Он отвлекся, потирая подбородок. — …следовать поставленной цели.

— Что такое? Тебе кто-то пишет? — с искренним удивлением спросила Секвойя. Она дорезала говядину и аккуратно положила в рот небольшой кусочек.

— Нет. — Тихо ответила Саманта. — Виктор позвонил сегодня. Но я была занята. Надеюсь, перезвонит.

— Зачем? — голос Секвойи стал острее. Она поджала губы, уколотые собственной резкостью. — Разве вы не закончили? Он же сам ушел. У людей из Буфера своя дорога, у нас своя. Сегодня ты поднялась выше. Не нужно оглядываться

на то, что осталось внизу. — Она отпила вино из бокала.

— Он не «остался внизу». Он просто ушел. А я даже не знаю как он и где он. — Голос Саманты дрогнул. — У меня есть предчувствие что он мог попасть в беду.

— В беду? В Буферной зоне вполне безопасно. — Джордан оторвал взгляд от телевизора. — Разве он не родился в Загрязненной зоне? Такие часто сами ходячая проблема. — Он слегка прибавил звук.

«Силами модифицированных биоволонтеров удалось разогнать несколько десятков нелегально поселившихся резидентов Буферной зоны». Мужчина указал на телевизор пультом:

— И получают они за это заслуженно. Это естественный ход вещей.

— Как ты можешь так говорить, папа. Он ничем не хуже нас, — сказала Саманта, сведя брови, — и то, где он родился, ничего не значит.

— Милая, мы просто хотим, чтобы ты нас поняла. Это выбор: или оставаться с такими как Виктор, давать им осквернять свою жизнь или идти вперед. Может стоит уже присмотреться к тем вариантам, которые мы для тебя нашли? — спросила Секвойя размеренным голосом, скрывающим раздражение.

Девушка промолчала, опустив взгляд к тарелке. Она, сама того не замечая, уже некоторое время перебирала складки мягкой салфетки на коленках.

— Помнишь Седрика? — продолжала женщина. — Из семьи Левингтонов? Воспитанный и, главное, образованный мальчик. Его мать очень настаивает на том, чтобы мы вас познакомили поближе. Она считает, что у вас очень даже схожие характеры. Если так подумать, я с ней согласна. Вы неплохо ладили в детстве.

— Ты что, шутишь? — Джордан усмехнулся.

Девушка замерла и подняла глаза на отца, что наконец оторвался от передачи. Но он смотрел только на ее мать.

— У них в семейке черти что происходит. Ну уж нет, только не Левингтоны. — сказал он. — Я бы скорее подумал о Вайтвудах. У них много сыновей, все вполне талантливые.

— Талантливые? А может тебе виски в голову ударил? — Женщина сложила руки на груди.

— А что не так? Я хорошо знаю их отца, он держит их в умеренной строгости и вкладывается в образование. Да и взгляды их династии чем-то похожи на наши.

— Если они талантливы, то тогда уж лучше Саманте подойдет Виктор. На их фоне он просто гений.

Саманта резко встала из-за стола. Ножки стула с неприятных уху скрипом оставили на деревянном покрытии пола царапины. Оба родителя посмотрели на нее в недоумении.

— Спасибо за ужин. — сказала она, небрежно бросив салфетку у тарелки.

— Саманта, — Секвойя шумно поставила бокал на стол, — ты,

— Я вас не понимаю. И вряд ли пойму. — Твердо перебила ее девушка. — Я боюсь, что, пытаясь вас понять, начну думать, как вы. И когда-нибудь тоже начну выбирать своей дочери ухажера, будто размышляя с кем спарить свою породистую лошадь.

Не оборачиваясь, она направилась в комнату, лишь добавив:

— Доброй ночи.

Лежа в постели, она решила позвонить Виктору еще раз. Механизированный, безразличный голос автоответчика постулировал: «Устройство абонента выключено или находится вне зоны действия сети». Сердце девушки сжалось. Чувство непередаваемой горечи накрыло ее с головой. По щеке прокатилась одна маленькая слезинка.

Интерлюдия: Отчет.

ОРТЭКС САЕНС ИНДАСТРИЗ
ВНУТРЕННИЙ ДОКУМЕНТ. НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ.
Уровень доступа: СПЕЦИАЛИСТ ВЫСШЕГО УРОВНЯ.
Дата: 06.08.2109
Кому: Главный Совет Ортэкс.
От: Доктор Грейс Либерти (Идентификатор: 3848588256)
Тема: Проект «ВИРСИ»: Отчет о результатах полного сканирования мозга испытуемого В.М.

Методы диагностики:

1) Диффузионная тензорная визуализация, картирование трактов белого вещества.

2) Мультимодальная магнитно-резонансная томография, мощность 7 тесла, с контрастом. Используемое вещества: гадолиний, перфорат.

3) Инвазивное микроэлектродное картирование — записи единичных нейронов лобной коры.

4) Биопсия мягкой мозговой оболочки, гистологическй анализ.

5) Геномный анализ (Полное секвенирование, анализ экспрессии генов)

Данные каждого метода рассмотрены в приложениях 1-5 отдельно.

Ключевые качества, выявленные методами:

1) Аномально высокая нейропластичность, превышающая 97-й перцентиль популяционной нормы. В ответ на повторяющуюся рТМС моторной коры, карта двигательных представлений изменилась на 43% за 30 минут (контрольная группа 5-10%).

2) Превышения нормы размера гиппокампа на 10% в среднем для пола и возраста.

3) Функциональная ослабленность гематоэнцефалического барьера (ГЭБ). Контрастное усиление на Т1-взвешенных изображениях наблюдается уже через 3 минуты после введения (В норме >20 мин).

4) Нетипичная активность астроцитов во всех пробах. Демонстрируется более активное высвобождение факторов роста и пониженная буферная функция. Данные требуют уточнения.

Риски:

1) С «Тишиной-5» могут возникнуть затруднения, это требует уточнения. Несмотря на проницаемость ГЭБ, «Тишина-5» в базовой начальной дозировке не вызывает нужного эффекта.

2) Потенциал к «Обратному захвату» импланта. Есть риск ассимиляции импланта «Паутина».

3) Высокий шанс формирования резистентной когнитивной схемы. В случаях сохранения ассоциативной памяти может возникнуть конфликт с имплантационной матрицей.

Заключение:

Гиперпластичность в сочетании с проницаемостью ГЭБ создает идеальные условия для интеграции имплантата «Паутина», а также легкость использования препаратов «Скальпель» и «Указка-2» для подкрепления.

Эти данные с учетом общего нейропрофиля испытуемого говорят об обоснованности выбора кандидата на пилотную фазу проекта «ВИРСИ» и о резонности перехода к следующему этапу.

Испытуемый классифицируется как ресурс повышенного стратегического значения. Все риски перевешиваются уникальной научной и практической ценностью.

Глава 3. Наказание за истощение плоти.

На улице стояла глубокая ночь. Острые тени и оранжево-алые блики отплясывали по толстым, высоким стволам. Группы людей тут и там сидели у костровищ. Возле них валялись плотные пластиковые ящики разного содержания. Где-то люди сидели на них же, где-то — на расстеленных войлочных одеялах, сложенных в несколько слоев, у кого-то был складной стул. У костровищ было тепло, многие поснимали куртки и кофты, повязав их на бедрах или кинув неподалеку. По лесу разносился гул разговоров и шум металлической посуды. Как стая волков на охоте, спрятанные травой и кустарниками, несколько машин были разбросаны по лесу. Машины стояли полукругом, направленные в разные стороны. Высокий минивэн, гордо задранный, на крупных внедорожных шинах-грязевиках, расположился в середине «стаи», особенно тщательно замаскированный ветками и листвой. Он был заведен, из выхлопной трубы тихонько поднимались клубы дыма. Подлесок смялся под его грузной бронированной тушей. Лишь слегка по гладкой, черной краске, образуя из-за листвы причудливые остроконечные формы, проскакивали блики от одного из костровищ

Посреди леса стояла маленькая церковь. Казалось, она

давно пустует. Все стекла были выбиты, некоторые двери — сорваны с петель, а уличные дорожки из красной плитки поросли травой. Внутри от убранства ничего не осталось, кроме обломков скамеек и ковра. На месте алтаря, воткнувшись в деревянные полы, стоял металлический обломок — крыло истребителя. Серию и номер было не разобрать — при пробивании крыши церкви краска на нем исцарапалась. Освещенный лунным светом, он сверкал в ночи. Там и тут он отражал огни свечей, расставленных по помещению.

Новые гости повсюду разложили свои вещи: спальники, провода, переносные компьютеры, кружки — все смешалось на полу. Пожилой мужчина стоял на коленях перед обломком и что-то тихо говорил про себя. Закончив свою молитву-заговор, он встал. У него не было глаз. На голове у него торчал небольшой штырь, крутившийся вокруг своей оси без остановки.

— Исаак. Исаак, это Джек, прием. Передай данные по навигации группы Авель.

Мускулистый смуглый мужчина, обросший щетиной, сидел с компьютером на коленях. Не получив ответа, он вновь повторил:

— Исаак. Исаак, это Джек, прием. — Джек посмотрел на пожилого мужчину с опаской. — Мне сходить?

— Нет. Я сам разберусь. Продолжай отслеживать. — Спокойно ответил тот.

— Хорошо, Слепой, сэр.

Спокойным шагом, держа руки за спиной, Слепой вышел из церкви. Каждый встреченный отдавал ему честь и кланялся. Мужчина лишь аккуратно поднимал руку в ответ. Это значило: «Я тебя увидел».

Дойдя до минивэна, он резко дернул ручку двери и та, скрипя, откатилась в сторону по ржавым рельсам на боку автомобиля.

Все пространство внутри машины было заставлено техникой. Несколько мониторов на стенах, несколько на потолке. Провода оплетали пространство. Это был хаос. И этот хаос следовал своим законам. Посередине всего, на единственном пустом месте, спал юный мальчик не старше лет четырнадцати. Он уснул с клавиатурой на животе, а рация выпала из его руки. От лязга двери он проснулся. Сонные глаза посмотрели на Слепого в растерянности. Мужчина какое-то время просто стоял, удерживая дверь. Тут мальчик опомнился.

— Слепой! — мальчик мгновенно начал паниковать, привстав. — Прости, я не понял, как я,

— Исаак, паршивец! — Зарычал тот.

Пожилой мужчина встал на ступеньку минивэна и тот просел под его весом, накренившись в сторону. Он схватил мальчика за руку.

— Прости, я…

Слепой даже не собирался слушать мальчика. Он легко выдернул его из минивэна и швырнул на землю. Тот не сопротивлялся, лишь по привычке прикрылся руками.

— Как ты смеешь, грязный кусок дерьма? — Слепой захлопнул дверцу со всей силы и двинулся к нему. — Как ты посмел уснуть на посту?

— Я, я не знаю, я просто…

— Поднимайся. Живо! — Слепой навис над Исааком.

Мальчик подскочил, опершись о грязную, влажную землю. Мышцы спины его тут же заныли. То ли от сна на кривом полу машины, то ли от внезапного удара оземь.

— Посмотри на меня, паршивец. — Мужчина взял его за воротник неказистой вязаной кофты. — Неблагодарный. Я тебя спас? Я тебе дом дал? Я тебя накормил? Я тебя вырастил? Отвечай.

— Да, да, ты,

— Так почему ты позволяешь себе так себя вести? — мужчина перебил его.

— Я не специально, Слепой я... — Исаак весь трясся.

По лесу раздался громкий шлепок. Слепой дал ему пощечину, а затем отпустил.

— Если ты не решаешь за свою жизнь, за тебя решают другие. Контроль над плотью или смерть, Исаак. Контроль или смерть от «Ортэкс». Если не контролируешь плоть, не контролируешь свою жизнь. Комфорт — это яд, Исаак. — Уже спокойным, рассудительным тоном сказал Слепой. — Если ты это не поймешь, тебе не выжить. Твой пост перейдет Джеку. Сегодня ты потерял свою возможность стать навигатором.

— Я, я исправлюсь, что я могу…

— Пока ничего. Иди к Джеку и сообщи ему. Помоги если надо. Сегодня навигацией займусь я сам. А теперь иди. Я еще подумаю над твоей судьбой. — Он раздраженно поправил куртку. — Такие мозги, а какое слабое тело.

Исаак направился к церкви, еле перебирая ногами. Он держался за пылающую щеку. У Слепого тяжелая рука. Если он хотел сделать больно, он делал. Мальчик смотрел лишь себе под ноги — на ветки, хвою, на грязь со следами от шин. Лишь бы не видеть лиц. Позор. Какой позор. Уснуть на посту. Ему доверили связь, а он уснул. Мешок картошки, вот его цена. Грязь, вот его место. Отброс, выкормыш. Слепой дал смысл: сын, помощник, правая рука. Исаак вытер лицо чистым от влажной грязи воротником кофты. Он так и остался неблагодарным щенком, подумал он. Скоро Джек заменит его, и все. Выкинут обратно туда, откуда он взялся. В канаву, в сливную яму. А Джек будет Слепому новый сын. Лучше прежнего. Лучше этого отброса. Который уснул на посту.

Внутри выла буря, но вслух он не произнес и звука. Он громко шмыгнул, выдохнул с силой, унимая дрожь, и зашел внутрь церкви. В помещении никого не было, кроме Джека.

— Слепой передает тебе полномочия навигатора, Джек. — Исаак даже не посмотрел на него. — Поздравляю. — В его надломанном голосе была слышна горечь.

— Ты уснул, да?

Джек внимательно осмотрел его.

— Тебе какое дело? — резко отрезал он. — Скажи какую работу взять, или чем помочь.

— Мне пока ничего не надо. Мы вышли на очень интересные предстоящие перевозки в северном секторе. Хочешь взглянуть? — Джек повернул экран.

Исаак помялся на одном месте.

— Да подойти сюда, сопля.

Исаак фыркнул, но подошел ближе.

— У тебя точно нет работы для меня? — угрюмо спросил он.

— Да заткнись ты, — Джек осадил его за плечо, а затем показал на экран, — вот тут, смотри.

— Очередная перевозка из пятьдесят шестой клиники чего-то там. И что?

— Да нет, лоботомит, ниже смотри! — он ткнул пальцем в экран.

— Да что? — выпалил мальчик раздраженно. Затем глаза его широко раскрылись. — «Курос»?

— Вот-вот. — Джек довольно улыбнулся.

— Черт, Джек, это же навар. Ты Слепому показал?

— Штука ценная, тут ты прав. — Он потер щетину на подбородке. — Нет еще, не показал. Что, он опять тебя ударил?

— Мы должны показать ему, срочно. — Мальчик вновь недовольно глянул на Джека. — Тебе-то какое дело насчет меня?

— Подождет. — Джек внимательно всмотрелся в покрас-

невшую щеку Исаака. — Сильно больно? Плакал? — спросил он серьезно.

— Да к черту тебя, что ты ко мне привязался. Не плакал я.

— Я же вижу.

— Тебе что от меня надо? — мальчик нахмурил брови.

Джек осмотрелся и пододвинулся ближе.

— Мне кажется он переходит грань. — Тихо сказал он, следя за входом.

— Что ты имеешь ввиду? — Исаак поднял одну бровь.

— Он с тобой, как бы это сказать, — его голос упал до едва слышимого за гулом оборудования шепота, — несправедлив. Ты ведь мозги. Без тебя этот сигнал не поймали бы. А он бьет по мозгам кувалдой. Будто это как-то поможет им работать лучше.

— Ты о чем? — мальчик слегка наклонил голову. — Это за дело. Я правда проспал.

— Все люди просыпают. Особенно если мало спят. Если им не дают спать. Сечешь?

— Ты что сейчас, — Исаак нахмурился, а затем насупился, словно озлобленный волчонок. — А он тебе доверяет! — выпалил он с досадой в голосе.

— Ревнуешь, да? Я все понял.

Плечи Джека задрожали. Он беззвучно засмеялся.

— Я не…

Исаак сглотнул и замолк.

— Понятно, почему ты так меня не любишь, хмурый та-

кой всегда, злобный. Теперь ясно! Думаешь я в сынки подбиваюсь? Что в любимчики записался?

— А разве не так? — мальчик набрал воздуха в легкие для выпада. — Ты,

— Заткнись и слушай, — перебил его тот.

Все веселье стерлось с лица мужчины. Он заглянул мальчику прямо в глаза. Глубокие и слишком по-взрослому суровые. Взгляд больше очеловеченного звереныша, чем ребенка, подумал Джек.

— Пойми, Иса: мне тут тепло, классно, сытно. Я здесь пока все спокойно и есть что награбить. Система работает и меня устраивает. — Джек пожал плечами. — Но такие методы, — он резко кивнул в сторону двери и брови его опустились на глаза, — я это уже видел. Это не дисциплина. Это яма, которую он роет. И в эту яму затянет всех, кто окажется рядом с ним. Сначала тех, кто слабее. Затем всех остальных. — Он не отрывал взгляда от мальчика. — Я не собираюсь в нее падать. Ты меня понимаешь?

— Да как ты смеешь? Ты просто завидуешь ему, ты! — Исаак злобно зашептал. — Он тебя расстреляет, если узнает, что ты такое говоришь!

— Но ты же не скажешь?

Джек был спокоен, как удав.

— Откуда ты знаешь? Я обязан докладывать об изменниках.

— Расскажешь — все подумают, что ты врешь. Из зави-

сти. Что меня навигатором сделали. А тебя выкинули с должности. Что тогда про тебя скажут? Что Слепой скажет? — Он поднял одну бровь. — Что он скажет, узнав, что ты, сынок его, меня оклеветал?

На Исааке не было лица. Вся злоба и готовность покинули его, оставив внутри холодную и горькую пустоту.

— Преданный ты, как собака, Иса. — Джек выдохнул. — Ладно, иди доложи Слепому про «Курос». Но ты подумай, головой подумай. Захочешь поговорить — знаешь где меня найти. И планшет не забудь.

Исаак вышел из церкви со смешанными чувствами. Зерно сомнений еще не проклюнулось. Но уже набухло.

Слепой расположился в минивэне — штыря на его лбу уже не было. Через дыру в черепе он был подключен десятком проводов к разным устройствам. Он вел переговоры по гарнитуре и что-то набирал на клавиатуре. Возле минивэна стоял крупный мужчина со старым автоматом. Он опустил оружие, заметив мальчика.

— Здраствуй, Ярик.

— Привет, болван. — Мужчина кивнул. — Здесь Исаак, сэр

Ярик отошел в сторону, опершись на машину и пропуская его к открытой двери.

— Чего тебе? — Слепой перестал печатать.

— Джек просил передать, что нашел информацию по новой поставке. Там «Курос».

— «Курос»? Интересно. — Он задумчиво почесал облысевшую голову. — А он ничего не перепутал?

— Нет, мы перепроверили. — Ответил Исаак.

— А серия не указана? — Мужчина начал набирать что-то на клавиатуре.

— Нет. Только дата перевозки. Конец этой недели.

— Какой класс охраны?

— Низкий. Как я понимаю перевозка стратегически не важная.

— Любопытно. А откуда куда? — дряблые руки Слепого, крупные, похожие на медвежьи, легко скользили по клавишам.

— Из больницы пятьдесят шесть. Его туда недавно привезли, буквально вчера. А теперь перевозят в какой-то дом на Бэй стрит. Это северная сторона.

— У залива значит…

Складки на голове мужчины, чем-то похожие на извилины, слегка пошевеливались от усиленных размышлений.

— Стабильная зона. — Пробубнил он себе под нос. — Наверняка кто-то из ученых заказал новую игрушку. Подключи-ка меня.

— Да, конечно.

Исаак привычным движением подключил уходящий в глубь машины провод к планшету. Слепой молчал и пару минут просто кликал мышью.

— Отлично. Есть окно. Отключай.

Мальчик исполнил просьбу.

— Радуйся. Вот твоя возможность очиститься от позора. Возможно, потребуется взлом замка. Поможешь отряду ограбить фургон.

— Я не подведу! — Исаак энергично закивал.

— Завтра соберем собрание на этот счет, — безразлично ответил Слепой, не оценив энтузиазма, — спланируем. А теперь пошел отсюда.

Исаак ушел с приподнятым настроением. Однако в глубине что-то царапало его сердце. Сомнения, хотел он того или нет, начали прорастать.

Глава 4. Пробуждение в белой пустоте.

Виктор очнулся после страшного кошмара, полусонный, уже не во сне, но еще и не в реальности. Сейчас он усилием воли откроет глаза, привстанет на диване, потянется, щелкнет выключатель на старенькой лампе. Только вот глаза он открыть все не мог. И привстать. И дивана под собой не чувствовал. Он… ничего не чувствовал? Какая-то пустота вокруг. Что-то не так. Может это еще сон? Может, продолжение кошмара? Наверное, он еще не проснулся. Да ведь?

Еще немного и я проснусь. Еще немного.

Неопределенное время он пробыл в этом состоянии. Он попытался о чем-то подумать. И если в начале какие-то образы всплывали, как зашумленные серые картинки — мама, Сэм, тетя, Сэм, квартира, плакат в метро — то сейчас все стало однообразной пустотой. Любая попытка хоть что-то вспомнить кончалась неудачей. Любая мысль распадалась сначала на слова, затем на буквы. И все это смешивалось, смешивалось, смешивалось, в однообразный тянущийся кисель.

Спустя еще некоторое время и кисель исчез. Он не заметил, как он исчез. Если подобие мысли, подобие слов и возникало — оно было неразборчиво и тут же обрывалось. Слу-

чайные мысли отскакивали от невидимых стен клетки, которой стало его собственное сознание, резонируя как эхо в пустой пещере. Внезапно, его охватило неописуемое чувство горечи и потери. Потери чего-то очень важного. Он искал, искал, но не мог найти. Еще больше расстраивался и пугался. Еще больше пытался отыскать. А что он искал? И снова, и снова.

Внезапно пустоту заполонил шум. Этот шум был везде и нигде одновременно. Не понять, откуда он, не понять — ЧТО он. Животный ужас охватил его.

Прекратите это, ПРЕКРАТИТЕ!

Следом прорезалась боль. Она пришла резко, как электрический разряд, прошивая собой пространство. Он закричал бы, если бы мог. Но он не мог. Не чувствовал горла. Не чувствовал языка. А затем, так же резко как появилась, боль исчезла. Но после нее осталось еще что-то. Это ощущение. Ощущение чего-то. Чего-то настоящего. Рука?

Тишина нарушилась голосом. Голос был хрипловатый, чужеродный. Шум затих.

Оператор — это покой.

Целостность — это покой.

Сохранение системы — это покой.

Затем — тишина. Голос принес умиротворение. Мысли выстроились в стройную линию. Целостность. Сохранение системы. Снова шум. Снова агония. Снова голос. Целостность. Сохранение системы. Покой. Оператор — это покой.

Стало легче. Шум не исчез окончательно. Он неразборчиво гудел где-то на фоне.

Шло время. Он уже чувствовал свое тело вновь. Руки, ноги — он мог ими пошевелить. Только, казалось, он летает. Нечего коснуться. Ничего вокруг нет. Пусть даже так. Зато он их чувствует. Он чувствует гравитацию. Он чувствует температуру. Он слышит. Гудение, тихий гул откуда-то снизу. Совсем близко. Щелканье.

Голос возвращается все чаще. Теперь голос командует. Голос закон. Неисполнение — боль. Боль не в теле. Она внутри, в голове. Он быстро это понимает. «Подними руку». Он поднимает. Он не спрашивает. Потому что рта нет. Лицо. Своего лица он не чувствует. Ничего не сказать. Ничего не увидеть.

Затем он наконец чувствует и его. Лицо. Он открывает глаза. Он видит, но не понимает, что видит. Все размыто, лишь расплывчатые серые пятна плавают вокруг, утопленные белоснежным светом. «На настройку оптического сенсора нужно время», говорит все тот же голос.

Но он рад. Он так рад. Может, даже сильнее чем надо.

— Принято. — Отвечает он и слышит свой собственный голос.

Что-то на секунду вздрагивает внутри. Он радуется еще сильнее.

Изображение становится четче. Оно обретает цвета. Он смотрит на картинки. Сначала это черные силуэты, затем

цветные фигуры. А теперь он видит и ее.

— Фиксируй облик своего Оператора. — Говорит она.

Перед ним высокая худая женщина с протезом серии ЖК-1 с авторской гравировкой. Оператор Доктор Грейс Либерти. Знание о том, что он видит, само появляется в мыслях, как воспоминание о вырезке из газеты. Газеты. А ведь он любил газеты. Когда он был совсем маленьким, он любил чтобы ему читали га…

Только мутный образ начинает проясняться — его выгибает от боли. Образ искажается, покрываясь пятнами, будто разъедаемый черной склизкой плесенью. Женщина смотрит в монитор. Она лишь слегка кривит рот.

— Фоновый шум. Это фоновый шум. Нет фонового шума — нет боли.

— Принято. — Он кивает.

Идет время. Цифры на часах сменяют друг друга. Дни, недели, проходят незамеченными. Не было для него больше времени. Не было сна и не было в нем нужды, а значит все время было для него лишь одним длинным, вечным днем, которому не суждено было закончиться. Ни сегодня, ни завтра. Никогда.

— Смотри на Оператора. — Говорит женщина.

Он смотрит на нее. На ее серые глаза. На белые волосы. На одержимое лицо. И по телу, от головы через спинной мозг растекается тепло.

— Имя Оператора, мое имя?

— Доктор Грейс Либерти.

Его речь лишена интонации. Много интонации — тоже боль.

— Твое имя?

От боли его чуть не складывает вдвое.

— Твое имя? — Она повторяет, строже.

— В,

Родная буква выскакивает из его рта и тут же его искусственную глотку, симулирующую звучание человеческого голоса, сжимает подобие спазма.

— ВИ-ОДИН. «Винсент».

— Кто ты? — спрашивает она.

Его снова выгибает.

— Сосредоточься.

— ВИ-ОДИН — это первая пилотная модель нового поколения андроидов «Курос». — Он зачитывает информацию из образа в мыслях. Выбитую на нем, как на монументе.

— Ты не похож на андроида. — Наигранно, она пихает его в твердую, холодноватую грудь. — Какой-то ты реалистичный, как человек.

— Потому что я не андроид.

В голове резко нарастает шум. Вперемешку с болью.

— Ответ неверный. Приказ: отрицать свою сущность. Для всех кроме Оператора ты «Курос». Повторим. Почему ты похож на человека так сильно?

И он отвечает. Отвечает так, как отвечал бы «Курос»:

— Я создан для успешной социальной коммуникации с человеком. Я создан симулировать человека. Но я не являюсь человеком.

За внутренним страданием от произнесенной лжи наступает радость, неестественно и внезапно, как наплыв дурманящих веществ в головной мозг. Но он ее не показывает. Демонстрация эмоций от внутренней стимуляции — боль.

Теперь он не в клетке своего сознания. Голос его новая клетка. Голос не Оператора. Голос в голове. Грейс довольно ухмыляется. А испытания все продолжаются. День за днем, отмеряя вечно наступающее «завтра».

Глава 5. Призрак из плоти. Призрак из прошлого.

— Как выйдете, скажите остальным немного подождать. Я сама приглашу. — Монотонно сказала Саманта.

— Да, хорошо, спасибо. Сил вам.

Мужчина с перевязанной рукой удалился из кабинета. Было слышно, как люди за дверью встретили новость с недовольством.

Девушка надавила на глаза и встала из-за стола. Она подошла к окну. Через несколько проспектов от больницы клубился толстый столб черного дыма. Она подняла глаза к небу — вертолет с желтой полоской кружил недалеко от столба. Независимые журналисты. Тут как тут. Если пожар до сих пор не погасили гидропеной, значит где-то там люди внутри. А значит, работы сегодня будет еще больше. Как и смертей. Саманта сжала кулак и оторвала взгляд от окна. Она заглянула в ящики недалеко от кушетки. Уже и бинты закончились. Надо за новыми.

У двери она глубоко вдохнула и вышла. Коридор был заполнен больными. Стоял отчетливый запах горелого мяса вперемешку с жженым сахаром. Люди сидели на полу, стояли у каждой стены. Кто-то корчился от боли, кто-то молча стискивал зубы. Они повернули к ней головы. Все смотрели

на нее, кто-то пытался что-то спросить. «Одну секунду», «я скоро вернусь» — повторяла девушка уже на автомате. Саманте было их жаль, но усталость брала свое. Она смотрела сквозь людей, протискиваясь между ними. Она уже не поправляла тех, кто называл ее «Доктором». Сегодня Доктора заняты. Оперируют тех, кого пожарные достали из-под завалов. Лаборанты же оккупировали приемку. Выхода нет. Все с крыла биоволонтеров ушли сюда. А что еще делать? Клиника была занята пострадавшими от взрыва на фабрике и с каждым часом число пациентов лишь пополнялось. Свободных рук критически не хватало, настолько, что даже низший персонал — уборщики и водители — ассистировали и помогали. Тем, чем могли.

Саманта заглянула в соседний кабинет. Билл обрабатывал спреем ногу пациентки. Лицо ее все сжалось, и она тихо пропускала воздух сквозь стиснутые зубы. Вещество из спрея пузырилось и шипело, превращаясь на большой ране в белую пену, которая тут же смешивалась с бордово-коричневой кровью, обретая розоватый оттенок.

— У тебя есть бинты? Принести еще? — Саманта выглядывала из-за двери.

— Ох, Сэм, если не сложно. Не успеваю сходить. — Ответил Билл.

— И не успеешь. — Печально сказала она.

— Так и есть.

Она закрыла дверь, направившись к комнате, служившей

складом расходных материалов. Внутри — множество стеллажей с разным наполнением. Шприцы, маски, перчатки, антисептики, бинты… Бинты, где же они. Вот! Саманта схватила запечатанную коробку с верхней полки. Коробка была не тяжелая, но большая по габаритам. Она вышла из подсобки, захлопнув дверь ногой. Некоторое время она копалась, думая, как бы поудобнее взяться. Она уже собиралась идти, но что-то на периферии зрения привлекло ее внимание. Она рефлекторно повернула голову.

В противоположной стороне коридора, стоял человек. Он стоял к ней спиной и что-то объяснял пациенту. Саманта могла бы заметить удивленное лицо пациента, завороженного этим человеком. Но ее внимание привлекло совсем другое. Прямая спина с небольшой сутулостью в плечах. Русые волосы, собранные в аккуратный хвост. Девушка замерла. Она задержала дыхание. Человек стал удаляться по коридору. Та самая развалистая, неровная походка. Саманту кинуло в пот. Стены и потолок будто отъехали в разные стороны. Весь мир увеличился в размерах. Доля секунды замешательства и она бросила коробку на пол.

Сначала она торопливо засеменила, сомневаясь. Затем она побежала. Человек скрылся за углом. На ее пути выросли пациенты — она пыталась аккуратно пройти через них. «Извините, пропустите». Кто-то что-то спросил, хватая ее за плечо. Она одернула руку и почти сорвалась на крик: «Не сейчас!». Ближе к повороту она уже мягко оттолкнула ко-

го-то из людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.